

Валерий Горшков

Фраера

Валерий Сергеевич Горшков Фраера

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141922*

Аннотация

Два водолаза обнаружили на затонувшем судне контейнер с драгоценностями. Они не стали афишировать свою находку и попытались реализовать ювелирные изделия частным образом.

Но, по роковому стечению обстоятельств, о кладе узнали преступный авторитет по кличке Профессор и главарь бандитской группировки Герц. Каждый из этих криминальных лидеров, не жалея людей и патронов, устраивает форменную охоту на удачливых приятелей...

Едва выпутавшись из одной страшной истории, друзья-приятели тут же попадают в другую, еще более сложную и кровавую, связанную с контрабандой алмазов. Полоса жутких событий приводит к непредсказуемым последствиям...

Содержание

Книга первая	4
Пролог	4
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	7
Глава третья	10
Глава четвертая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Глава седьмая	19
Глава восьмая	20
Часть вторая	23
Глава девятая	23
Глава десятая	24
Глава одиннадцатая	26
Глава двенадцатая	28
Глава тринадцатая	30
Глава четырнадцатая	32
Часть третья	35
Глава пятнадцатая	35
Глава шестнадцатая	37
Глава семнадцатая	39
Глава восемнадцатая	40
Глава девятнадцатая	42
Глава двадцатая	43
Глава двадцать первая	45
Глава двадцать вторая	46
Глава двадцать третья	50
Глава двадцать четвертая	52
Часть четвертая	55
Глава двадцать пятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Валерий Горшков Фраера

Книга первая На мушке у профессора

Пролог

Битюг, серьезных габаритов мужик, с ухмылкой смотрел, как Жетон обустраивается на находящейся метрах в пятидесяти мусорной куче. Их босс, Профессор, постоянно долдонил, что при каждой, самой ерундовой, операции следует подстраховываться замаскированным снайпером. «Надо исключить всякую возможность прокола, – повторял он назойливо, добавляя излюбленное: – В натуре».

Битюг же считал это пустой затеей, понтом для малолетних. Особенно в нынешнем деле, когда никакого атаса и быть не может.

Но против Профессора не попрешь, поэтому Жетон и копошится в куче всякого дерьма. Позицию выбирает. Снайпер, мать его!..

Он повернулся к Кислому, высокому жилистому парню с физией лошадиного образца: – Ну давай посмотрим, как там наша старушка. Они подошли к «шестерке» с укрытым брезентом прицепом.

Битюг кивнул:

– Открывай.

Кислый стал освобождать туго стянутый веревками брезент.

Под брезентом лежала женщина весьма преклонных лет. Связанная, с залепленным скотчем ртом.

– Ну-ка, братан, расшевели старуху.

Кислый отлепил скотч, похлопал женщину по щекам.

Та никак не отреагировала.

Боевик внимательно всмотрелся в ее открытые глаза.

– Слышь, Битюг, чего-то она не того...

Тот мгновенно подскочил, схватил пленницу за руку, прощупал пульс.

– Сдохла, сучка! – вскричал он почти с ужасом. – Что же мы теперь боссу скажем?!

Кислый довольно равнодушно пожал плечами – бугор в их группе Битюг, ему и отвечать.

В этот момент на грунтовке показался джип «череки», авто Профессора.

Через четверть минуты из машины вылез немолодой мужчина, чем-то похожий на киношного супермена. Шрам на горле и сбитый набок горбатый нос придавали ему живописный и хищный облик. Авторитет приехал один, без охраны – он не хотел лишних глаз в этом деле.

– Ну, сказала, что требовалось? – спросил Профессор, едва ступив на глинистую почву.

Старушку взяли в ее коммуналке и привезли сюда, на огромный пустырь, расположенный не слишком далеко от черты города.

Здесь, на хорошо просматриваемом пространстве, со многими вариантами отхода, скрывшись меж гигантских куч строительного мусора, питерская братва нередко устраивала свои стрелки и разборки.

«Шестерка» стояла возле заброшенного котлована. В него криминалы иногда сбрасывали отработанный материал – человеческие трупы, засвеченные стволы и тому подобные вещи. Все это исчезало в глубокой зловонной жиже, покрывавшей дно невесть для чего вырытой строителями ямы.

– Сдохла бабка, – уныло отвечал Битюг.

– Ну это понятно – чего еще от вас, душегубов, ожидать! – с непривычной для себя нервозностью прокомментировал авторитет. – Но что она сказала? – продолжал он допытываться.

– Да мы к ней не прикасались даже. Привезли, а она уже того, холодная...

– Холодная?! – вскипел босс. Шрам на его шее побагровел. – Да от ее дома езды десять минут! Когда же она успела копыта отбросить, да еще и остыть?!

– Ну, не совсем холодная... А вообще-то у нас тачка по дороге встала... Подшипник, блин... Таксера брал... В гараж за другим ездил... Целых два часа прокантовались... Скажи, Кислый!

Тот робко кивнул.

Это было действительно так. Но Профессор внушал браткам такой ужас, что оправдывались они как-то неуверенно и потому неубедительно.

В душе преступного босса стало созреть нехорошее подозрение.

– Где Жетон? – обратился он к Битюгу. Бык жестом показал в сторону мусорной кучи.

– Зови.

Битюг залиvisto свистнул.

Снайпер высунулся из своего укрытия, и старший группы призывно махнул ему рукой.

– Правда, что тачка по дороге забарахлила? – с нажимом спросил Профессор.

Жетон – по виду дохлый малый, о таких говорят: соплей перешибешь – всю дорогу до пустыря, включая вынужденную остановку, дрыхал, поскольку ночью почти не спал. Все больше кираял да трахался. Он ничего, естественно, про поломку не знал, но вопрос был задан в такой форме, что боевик сразу просек ситуацию.

Жетон решил осторожно подтвердить показания братанов:

– Да вроде как.

– Что значит «вроде»? – продолжал надавливать босс.

– Да кемарил я на трассе, – дал снайпер исчерпывающий, как ему казалось, ответ.

Профессор тяжело вздохнул, но ничего не сказал. Он подошел к пленнице, положил ей руку на лоб. Потом развернулся и направился к своему джипу. Обернувшись, кивнул в сторону покойницы:

– В котлован.

Боевики дружно бросились выполнять команду.

Они оперативно скинули старушку в яму и тут же один за другим посыпались на землю.

Профессор подошел к телам убитых и по очереди отправил их вслед за старухой.

Немного подумав, кинул туда же и свой слегка нагретый от выстрелов «Макаров».

Авторитет совсем не был уверен, что боевики водили его за нос. Но вариант такой имелся. Эти быки могли выбить из бабки Алины нужную информацию и вступить между собой в сговор, втихую придушив старушку.

И тогда...

Нет, так рисковать он не мог.

А боевиков у него хватает. Тремя больше, тремя меньше – без разницы.

Да, еще раз утвердился в своем решении Профессор, правильно он поступил. Надо исключить всякую возможность прокола. В натуре.

Часть первая Золото и рыжье

Глава первая Аврал

Когда раздался пронзительный звук сирены, я как раз закончил тренировку в спортзале и собирался принять душ. Но моим мечтам постоять под горячими и острыми, как иглы, струями суждено было умереть, едва появившись на свет.

Я громко выругался, закинул на плечо спортивную сумку и быстрым шагом пошел в помещение дежурного – узнать о причине аврала.

Я служил уже два с половиной года в Невской спасательной группе и все время занимался одним и тем же – надевал водолазный костюм и нырял под воду.

Все мы, кто после призыва в ВМФ и окончания полугодовой учебки попали в поисково-спасательную службу, думали только об одном – как бы поскорей снять осточертевший гюйс и натянуть гражданку. А потом, помахав на прощание ручкой остающимся дослуживать установленный государством срок друзьям-матросам, бодрым шагом выйти за красные железные ворота и с головой окунуться в такую манящую и пока недоступную обычную человеческую жизнь.

Впрочем, время от времени большинство из нас сматывалось в самоволку, пытаясь за несколько часов хлебнуть впрок иллюзорной свободы в городе дождей, чиновников и одиноких женщин – Санкт-Петербурге.

Ровно через две минуты после воя сирены – короткого, но вполне достаточного, чтобы разбудить даже мертвецки пьяного Карела, час назад на полусогнутых вернувшегося из «внепланового увольнения», я уже стоял возле похожего на будку стрелочника помещения дежурного.

– Надеюсь, не жмурик?

Я достал из кармана сигарету и чиркнул спичкой по давно немытому стеклу открытой настежь входной двери.

Со всех сторон, словно тараканы, к будке начали подползать матросы и «менты», как мы между собой называли флотских офицеров части.

– Нет, – помотал головой дежурящий сегодня Женька. – Но не думаю, что наш случай приятней. По мне пусть лучше жмурик, чем «Волго-Балт».

– Черт!..

Естественно, что возиться с утопленниками никому не нравилось. Но все же поиск упавшего самостоятельно с набережной или заброшенного в воду криминалами человека был менее нудным занятием, чем экстренная помощь вляпавшемуся в какую-нибудь очередную неприятность сухогрузу.

С кораблями, вынужденными даже на рейде постоянно отрабатывать винтами, дабы противостоять стремительным водам Невы, могло случиться все, что угодно. Они ударялись об опоры мостов во время ночного прохода по реке, получая подчас серьезные повреждения. Их разворачивало поперек и бросало на мель, после чего все идущие следом суда были вынуждены дожидаться, пока спасательные корабли не исправят допущенную олухом-лоцманом ошибку и не очистят фарватер.

Да мало ли что вообще могло произойти! И каждый раз в таких случаях на территории нашей воинской части пронзительно взывала сирена.

– «Волго-Балт» не может сдвинуться с места, – продолжал Женька. – Наверное, подцепил на винт какую-то дрянь со дна или напоролся на затопленную тысячу лет назад посудину. Сам знаешь, как это бывает.

Вокруг дежурки уже собрались несколько офицеров и матросов. Здесь же был и наш кэп, который, быстро въехав в ситуацию, коротко скомандовал: «По коням, ребята!»

Спустя пять минут рейдовый водолазный катер, помпезно именуемый нами не иначе как «Фламинго», уже принял на борт спасательную группу.

Я готовился к предстоящему погружению, надевая при помощи старого мичмана рыжий резиновый комбинезон, когда Сергей Павлов, коллега-водолаз, уже успевший нацепить на себя все, кроме шлема, тронул меня за плечо.

– Как думаешь, в чем там дело?

– Черт его знает, Серый! Наверное, намотал на винт что-то вроде стального троса. На дне столько всякого дерьма, что здесь можно ждать чего угодно...

– Это точно, – согласно кивнул мой единственный друг, с которым мы еще в самом начале службы – в учебке Краснофлотска – нашли общий язык.

С тех пор мы были практически неразлучны. Я даже сумел заинтересовать Сергея моим любимым хобби – работой с «железом».

Он поддался на уговоры и стал вместе со мной три раза в неделю тренироваться в спортзале части. За прошедший со дня первого занятия год его худощавый торс покрылся рельефными буграми мускулов, что не ускользнуло от глаз мареманов, давших Сереге звучную кличку Хаммер, по имени знаменитого книжно-киношного частного детектива.

Появился кэп.

– Первым пойдет Павлов, разведает обстановку, – объявил он и скрылся в надстройке.

К тому времени старик Дмитрич, как фамильярно мы называли самого пожилого мичмана на «Фламинго» Красикова, уже помог мне окончательно влиться в рыжую резину.

Он был единственным из «сундуков», к которому все без исключения парни относились с уважением. Причем до такой степени, что в дни, когда старик оставался обеспечивающим по части, в самоволки ходили исключительно с разрешения Бати, как его еще именовали.

«Фламинго» был на месте аварии уже через десять минут.

Мы остановились по правому борту от застрявшего корабля, рядом с буксиром «Циклон». Это судно вместе с еще одним буксиром удерживало несчастный «Волго-Балт» на месте.

Начали готовиться к погружению.

Глава вторая

Формула наводчика

Наводку на бабку Алину дал Профессору дед одного из юных бычков.

Дней десять назад Вовочка, как называли этого пацана все боевики, подошел к боссу и сказал, что его родной дедушка хочет с ним, Профессором, переговорить о чем-то очень важном. И самым что ни на есть приватным образом. О чем точно – Вовочка не знает и даже не догадывается.

Не в привычках авторитета было отказывать своим ребятам в таких пустяках. И уже на следующий день к нему в офис заявился божий одуванчик – лет эдак под восемьдесят.

Дедуля представлял разительный контраст с внучком, будучи на полторы головы ниже его и раза в два с половиной легче. Игра природы, однако, подивился тогда Профессор. Но, как вскоре выяснилось, в интеллектуальном плане наблюдалась обратная картина.

Савва Родионович оказался искусствоведом, специалистом по ювелирным изделиям. А как бывший студент, правда недоучившийся, авторитет любил иногда побеседовать с интеллигентными людьми.

– Вы – личность в нашем городе известная, – без тени трепета начал дед Вовочки. – К тому же мой внук работает на вашу фирму, поэтому я решил обратиться именно к вам.

Профессор был хорошо осведомлен о своей репутации в Питере – его считали крупным криминальным лидером, и это было действительно так, – потому он никак не откликнулся на заявление посетителя, легким кивком предлагая ему продолжать.

– Я живу в пятикомнатной коммунальной квартире в доме дореволюционной постройки. Бывшая столичная резиденция богатого дворянского рода. В нашей квартире проживает еще три человека – все они бессемейные женщины. С одной из них, Алиной Серафимовной Доркиной, мы соседи еще с довоенных времен. Вместе с ней пережили блокаду.

Профессор как бы между прочим взглянул на часы. Савва Родионович понял вежливый намек и ускорил повествование:

– Так вот. В блокаду, в самое ее голодное время, люди продавали все, что у них было ценного, буквально за гроши. Точнее, меняли. Скажем, антикварный золотой кулон – на буханку хлеба или банку тушенки. Впрочем, вряд ли это для вас большая новость. Но штука в том, что моя соседка Алина Серафимовна была в блокадные годы активной скупщицей драгоценностей.

– Всех этих деятелей после войны замело гэбэ, с конфискацией, – равнодушно заметил авторитет и без особого интереса спросил: – Ваша Алина Серафимовна что же, срок мотала?

– Отнюдь, – с торжествующей улыбкой ответил искусствовед. – Не нашлось таких, кто бы на нее стукнул, – и он скромно потупился.

Профессор начал въезжать в тему.

– А откуда вы знаете, что она была скупщицей во время блокады? Разве вы присутствовали при сделках?

– Нет, но в течение нескольких месяцев к ней приходило очень много народу. Некоторых я знал лично и разговаривал с ними. Им не было особого смысла от меня что-то скрывать. И они рассказывали, что меняли свои раритеты на продукты. Некоторые из этих изделий я ранее видел собственными глазами, на современных аукционах они оценивались бы в десятки, а то и сотни тысяч долларов.

Дедуля молодого бойца замолчал и выразительно посмотрел на криминального босса. Тот не преминул задать следующий вопрос:

– И откуда же ваша соседка брала столько продуктов, в блокадном-то Ленинграде?

Искусствовед слегка замялся, но его ответ прозвучал уверенно:

– Алина, в принципе, человек замкнутый, необщительный. Но я твердо знаю, что до войны и частично во время нее она работала завскладом на оптовой продовольственной базе. Сразу после нападения немцев госпожа Норкина сумками таскала домой тушенку. Будто уже тогда знала все планы Гитлера. Делалось это скрытно, но, когда живешь в таком близком соседстве, некоторые вещи замечаешь поневоле. Кроме того, уже в блокадном Ленинграде она занимала какой-то пост в комиссии по распределению продовольствия. – Старик было замолчал, но после паузы тихо добавил: – В трудные минуты Алина иногда помогала мне куском хлеба.

– Непонятно все-таки, как ей это сошло с рук, – задумчиво произнес авторитет.

– Ей просто повезло, – охотно пояснил искусствовед, – практически все ее клиенты в конце концов умерли от голода.

– А как она жила в послевоенные годы?

– Скромно, – развел руками старик. – За границу, к примеру, не ездила.

– Навещает ее кто-нибудь?

– В том-то и дело, что нет. Похоже, близких родственников Алина Серафимовна не имеет. Впрочем, вы, видимо, можете это проверить по своим каналам, – дед снова бросил на авторитета короткий пристальный взгляд.

– Другими словами, вы считаете, что рыжье... в смысле драгоценности до сих пор у нее? – задал Профессор решающий вопрос.

Посетитель утвердительно склонил голову.

– Хорошо... – криминальный босс ненадолго задумался. – Можете вы назвать примерную стоимость награбленного, – Профессор интонационно подчеркнул последнее слово: дескать, на святое дело идем, братан, – в долларах на сегодняшний день? Я понимаю, что на этот вопрос трудно ответить...

– Отчего же? Ведь вы сами сказали, что «этих деятелей» после войны практически всех арестовали. Впрочем, всех или не всех – не столь важно. Главное – в другом. По служебной линии мне удалось получить описи арестованного у мародеров имущества – эти данные не засекречивались. Я вычленил оттуда, как вы говорите, «рыжье», – старичок позволил себе улыбнуться, – вполне очевидно, приобретенное во время блокады, суммировал его в сегодняшних ценах и разделил на число арестованных скупщиков.

– Ну и?.. – уже не скрывал волнения Профессор, пораженный гениальной простотой формулы, выведенной дряхлым искусствоведом.

– Десять миллионов долларов – такова средняя стоимость награбленного... – как и его собеседник, Савва Родионович сделал ударение на последнем слове и впери в блатаря победный взгляд, – одним мародером.

Хозяин офиса вскочил и заходил кругами по кабинету.

– Пивка не желаете? – остановился наконец Профессор.

– Нет, но от хорошего чая не отказался бы, – весело отозвался посетитель.

Авторитет нажал на кнопку. В помещение тут же вошел здоровенный, но кривоплечий, как параллелограмм, секретарь-охранник.

– Принеси пару бутылок «Хольцена» и чаю... Какого? – хозяин кабинета обернулся к своему гостю.

– «Липтон», если можно. – Искусствовед мило улыбнулся секьюрити.

Видимо, просьба старика озадачила охранника – он продолжал недоуменно топтаться на месте.

– Ну, хули встал, как приبلудный! – раздался окрик босса, и секьюрити мгновенно исчез.

Прихлебывая каждый свой напиток, собеседники, а скорее уже сообщники, продолжали деловой разговор.

– Сколько вы хотите за вашу... м-м... информацию? Если она, конечно, окажется результативной?

– Десять процентов после реализации. Причем реализацию я могу взять на себя – за небольшие комиссионные, разумеется. Это еще пять процентов.

Профессор согласно кивнул.

– Значит, говорите, вашу соседку Алину никто не навещает. А сама она в гости хаживает?

– Я понимаю, о чем вы... – Гость помрачнел. – К сожалению, в последнее время она вообще никуда не выходит – с ногами у нее худо. Над Алиной Серафимовной шефствует некая благотворительная организация: девица какая-то звонит иногда – спрашивает, что ей надо, и доставляет необходимое на дом. Пенсию тоже домой с почты приносят.

– А что соседи?

– Две пенсионерки. Обеим лет под шестьдесят. Но эти часто по своим делам отлучаются.

Авторитет погрузился в раздумье.

– Ну, хорошо, – произнес он наконец. – Считайте, что мы в принципе договорились. Через неделю я вам позвоню.

Старичок откланялся, приветливо улыбнувшись, и двинулся к дверям.

– Савва Родионович, – остановил его ехидный голос хозяина кабинета. – А вы сами что же, к Алине Серафимовне не подкатывались?

– Было дело, – вздохнул искусствовед, оборачиваясь у порога. – Намекнул я как-то соседке про ее блокадную коммерцию. Сказал, что органы, мол, могут этой темой заинтересоваться. – Он махнул рукой. – В общем, никакой реакции...

– А почему вы так долго ждали? Надеялись, что она отойдет вперед вас, а вы бы в ее конуре шмон устроили? А Алина Серафимовна оказалась живее всех живых?

– Угадали, – последовал еще один вздох, и наводчик удалился.

«Если даже расчеты хитрозадого дедушки верны только на десять процентов, – пришел к заключению Профессор, – то и тогда это дело стоит того, чтобы ради него отложить все остальные».

Савва Родионович возвращался домой удовлетворенным: удалось-таки произвести нужное впечатление на этого уголовника.

То, что он рассказал криминальному лидеру, было правдой. Алина действительно меняла во время блокады продукты на драгоценности. Но вот откуда она брала тушенку и хлеб, искусствовед понятия не имел. Все «продовольственные посты» соседки он просто выдумал.

Не располагал Савва Родионович и какими-либо данными по арестованным мароде-рам, что, конечно, не снижало достоинств его гениальной формулы, которая – хорошо было видно! – потрясла воображение бандита.

Теперь уж как пить дать эти уркаганы из Алины всю душу вытрясут.

Найдут золотишко, и ему что-нибудь обломится. Не найдут – придется им ее...

В общем, тогда комната соседки автоматически достается ему, Савве Родионовичу...

Глава третья Погружение

Согласно команде, первым должен был идти Серега.

Ему нацепили шлем, включили подачу воздуха и рацию, благодаря которой он мог постоянно держать связь с катером.

Павлов взял с собой мощный подводный фонарь и неуклюже, словно медведь, сполз по кормовому водолазному трапу в воду.

Питер уже успел погрузиться во мрак, и даже в свете многочисленных береговых фонарей Нева казалась совершенно черной, словно вместо воды она ежесекундно сбрасывала в Финский залив сотни тонн отработанного моторного масла.

Водолазный катер лениво переваливался с волны на волну и противостоял стремительному течению Невы, не забывая о том, что в клочущей и совершенно непрозрачной из-за нескольких одновременно работающих винтов бездне находится живой человек.

Его соединял с жизнью и внешним миром только сдвоенный шланг, по одной из частей которого в шлем подавался воздух, а по другой, где располагалась кабель, поддерживалась постоянная связь с командным пунктом.

Те, кто находился возле этого пункта, чутко вслушивались в каждое слово, произнесенное водолазом. Пытались уловить малейший посторонний шум, который мог означать

все, что угодно, – от вращения винта ближайшего буксира до вырывающихся из системы подводного дыхания пузырьков углекислого газа.

– Ничего не видно... Эти поганые буксиры подняли со дна всю грязь, какую только возможно. – В динамике отчетливо слышались прерывистое дыхание Сергея и шум закипающих вокруг шлема пузырьков. – Даже фонарь не светит больше чем на метр. – Судя по тяжелому и вязкому голосу, Хаммеру здорово доставалось. – Эй, парни, никто не хочет составить мне компанию?.. Можно запросто заблудиться в этом чертовом дерьме! – И водолаз прибавил еще несколько вполне обычных для такого случая выражений.

– Ищи трос, – коротко распорядился кэп, языком передвигая из одного угла рта в другой донельзя изжеванную спичку. – Сейчас он должен быть несколько ослаблен из-за противодействия буксиров. Хватай железку и дуй по ней к винту.

Минуты через две громогласный возглас Павлова известил нас о том, что трос найден.

– Это действительно стальная железка, а не электрический кабель, – пояснил Серега, тяжело дыша. – И натянут он очень плотно, почти без слабины... Сейчас посмотрю, какая бородка навертелась на пропеллер «Волго-Балта». По-моему, дело – труба!

Хаммер говорил с такой интонацией и паузами, будто только что с непривычки пробежал олимпийский марафон, нацепив на ноги деревянные колодки. Дмитрич не мог этого не заметить.

– Как у тебя с кислородом? Что-то свистеть ты начал, паренек, как медный чайник... Хватает?

– Не так чтобы совсем не хватает, – прохрипел Павлов в ответ, – но я как раз хотел попросить вас об одном одолжении...

– Каком еще, к черту, одолжении? – вмешался кэп.

– Шланги проверить, – булькнул Серега и громко откашлялся. – Что-то и впрямь плохо дышится.

– Чего ж ты молчишь, твою мать?! Дмитрич!..

Но Батя уже успел выскочить из рубки на палубу и метнуться к воздушному компрессору.

Я пошел следом, мысленно уже прикинув, что могут быть только две причины недостаточного поступления воздуха в водолазную «трехболтовку» – или испортился компрессор, или где-то передавился резиновый шланг. Так оно, в общем, и оказалось.

Пьяный «сундук» Довченко, вздумавший навести на палубе «порядок», поставил на шланг подачи кислорода ящик с талями, цепями и прочим такелажным оборудованием, а сам спокойно покачивался рядом, смоля скрученную буквой «зю» папироску.

– Мудило ты, Витя! Иди на хер отсюда. – Дмитрич толкнул алкаша в бок, а затем одним ловким движением освободил шланг из-под края тяжелого ящика. – Готово!.. Скажите Сереже, что теперь можно дышать!

Скоро выяснилось, что Хаммер уже добрался по натянутому тросу до винта сухогруза, но созерцание картины выросшей на вале бороды не доставило моему приятелю «чувства глубокого удовлетворения».

– Если пилить здесь, то работы на час-полтора как минимум... Но если спустится Глеб, то можно попробовать раскрутить узелок!..

– Хорошо, понял тебя. – Кап повернулся к приоткрытой двери командного пункта, где, прислонившись плечом к переборке, стоял, покуривая, я, и слегка кивнул: – Бери, что нужно, и спускайся. Прежде всего отнеси Павлову инструмент, а сам сходи по тросу в противоположную сторону и узнай, что держит судно. Если можно отцепить, то отцепляй, если нет – возвращайся обратно к сухогрузу, перепиливайте или развязывайте узел. Иди!.. Дмитрич!..

– Уже готов, командир. – И Батя направился следом за мной на корму, чтобы помочь закрутить водолазный шлем и проконтролировать погружение.

Когда «чайник» герметично сел на свое место, а вентиль с воздухом был открыт на полную катушку, я проверил связь, сказав кэпу несколько слов в микрофон, поднял вверх большой палец, кивнул и, перевалившись за борт, стал медленно опускаться в черную невскую глубину.

В моей левой руке тотчас вспыхнул яркий водолазный фонарь, но толку от него было примерно столько же, сколько от одной-единственной спички, зажженной сырой осенней ночью на заброшенном, заросшем лесом кладбище.

Вода в устье Невы и без того не отличалась особой прозрачностью даже днем. А уж сейчас, когда часы показывали половину девятого и невдалеке работали, удерживая «Волго-Балт» против течения, два буксирных винта, она больше всего напоминала чернила.

Я добрался до последней ступеньки, мои пальцы разжались, и железные «тапочки» потянули меня ко дну.

Через девять секунд почувствовал, что благополучно приземлился, и, направив вперед грязно-зеленый луч фонаря, отправился на поиски Хаммера, который копошился в десяти – пятнадцати метрах от места спуска.

Несмотря на совсем крошечное по сухопутным меркам расстояние, под водой, если принять во внимание почти полное отсутствие видимости, найти нужное место практически на ощупь не так-то легко.

Но мне повезло – я довольно быстро наткнулся на трос, а уже потом – на Сергея, внимательно изучающего мохнатую бороду на валу сухогруза. И она, прямо скажем, не вселяла оптимизма.

– Я на месте, – бросил я в микрофон и, подойдя к Сергею, хлопнул его сзади по спине. Он даже не обернулся, только уныло кивнул в сторону винта и развел руками.

Я протянул ему инструмент.

– Павлов и Микульчик, алло! – раздался вдруг голос Дмитрича. – Давайте, парни, побыстрее и не тяните кита за... х-м... Время – деньги!

– Вот уж не слышал, чтобы нам платили за срочность, – усмехнулся в ответ Хаммер. – Скорее наоборот – чем дольше ковыряешься, тем ближе дембель!

Тут в наших ушах раздался недовольный сап кэпа. Мы предпочли прекратить прения и приступить к работе и потащились, перебирая руками трос, в противоположную от «Волго-Балта» сторону.

Трос был старым, но не очень толстым, таким, какие обычно используют на береговых и корабельных лебедках. Тонкая стальная проволока, из которой он был сплетен, местами полопалась и теперь торчала во все стороны острыми шипами. Нужно быть очень внимательными, чтобы случайно не продырявить комбинезон, не поранить руку и не запустить воду внутрь герметичного пространства. Такое не раз случалось и ни к чему хорошему никогда не приводило.

Тем временем течение в Неве все усиливалось, и каждый метр продвижения «против ветра» заставлял нас с Павловым, наклоняясь вперед, сильнее «шевелить поршнями». Мы шли, контролируя трос, как полярники во время урагана ходят от модуля к модулю, держась за леера.

В наушниках то и дело раздавались дежурные рекомендации кэпа и старика Дмитрича. Мы пропускали их мимо ушей, отвечая односложными фразами: «Да», «Нет», «Хорошо» и «Понял», мысленно посылая командиров куда подальше. За нами с Хаммером были десятки рабочих погружений, и мы считали, что знаем Неву и ее акваторию как свой родной кубрик и удивить нас теперь весьма проблематично.

Мы прокладывали кабель, вылавливали утопленников, занимались подводной сваркой и резкой, делали еще дюжину всяких работ, чувствуя себя при этом настоящими асами водо-

лазной службы. И сегодняшний случай, несмотря ни на что, мы не считали слишком сложным.

Проходящие по реке «пароходы» регулярно цепляли со дна всякую гадость, учитывая небольшую глубину фарватера, но еще не было такого, чтобы мы в конце концов не решили возникшую проблему.

Глава четвертая

Парочка дорожных неприятностей

Отмотав семилетний срок за грабеж, Профессор вышел на волю в восемьдесят девятом и поразился произошедшим в стране переменам. До зоны доходили слухи о благоприятном криминальном климате в нынешнем СССР, но чтобы до такой степени...

Используя свои связи в уголовной среде, он быстро сумел создать собственную группировку, объединив несколько разрозненных бригад рэкетиров.

После короткой, но кровопролитной серии разборок с конкурентами криминальному формированию Профессора удалось взять под контроль вполне приличный фрагмент коммерческого Питера, и вот уже три года он пасся на этом куске земли.

Однако авторитет был убежден: такой фарт – дело временное. Или скосит тебя пуля киллера, или изменится ситуация в стране. Он раньше многих других криминальных лидеров решил: нарежу побольше зеленых – и за кордон.

Профессор даже нанял репетитора по английскому языку, с которым занимался каждый день по часу у себя в офисе. Братве, понятно, он о своих планах не докладывал. Репетитора называл адвокатом и, закрывшись с ним в кабинете, давал строгий наказ секретарю, чтобы их никто ни в каком разе не беспокоил.

Но необходимая сумма в баксах с семью нулями никак не складывалась. Только было развернулся Профессор, как к власти в городе пришли новые, горластые и голодные, чиновники. Мгновенно возросли накладные расходы. Сразу же расширился штат у ментов – опять плати.

А еще и собственную братву надо содержать, и в общак отстегивать...

В отличие от большинства других авторитетов он не доверял шустрым финансистам и не прокручивал с их помощью непонятные ему коммерческие аферы, ограничиваясь банальным рэкетом, который приносит гарантированный, но все же недостаточно быстрый доход.

А сваливать за бугор, считал Профессор, уже пора. Потому-то наводка искусствоведа на десять зеленых лимонов – может, меньше, но, может, и больше! – пришлось как нельзя кстати.

Босс рэкетиров начал проверку информации Саввы Родионовича по всем правилам.

Его специалисты из группы радиотехнического обеспечения поставили телефон коммуналки Алины на прослушку.

Парочка боевиков круглосуточно дежурила в машине напротив подъезда скупщицы с ее фотокарточкой, добытой из паспортного стола.

Сыщики из контролируемого Профессором частного детективного агентства проверяли наличие у Алины Серафимовны друзей и близких родственников.

Сотрудники того же агентства установили слежку и за Саввой Родионовичем. Они также должны были составить досье на двух бессемейных соседок.

Через неделю авторитет получил все необходимые данные.

Наблюдение за самим искусствоведем ничего интересного не дало, но его информация подтверждалась: бабка Алина никуда не выходила, по телефону ни с кем не общалась, не считая девицы из муниципальной службы соцобеспечения, друзья и близкие не обнаружены.

И еще – в блокаду она действительно находилась в Ленинграде.

Судя по всему, рыжье, если оно действительно существует, Серафимовна хранит или в своей квартире, что казалось профессору маловероятным, или в каком-либо тайнике.

Имелся, правда, еще один неприятный вариант – Алина могла действовать не в одиночку. В этом случае сокровища поделены на части, и у соседки искусствоведа окажется гораздо меньше цацек.

Но так или иначе, Битюг и Кислый – а они специалисты в этом деле – выбьют из бабки и место хранения драгоценностей, и имена сообщников, если таковые были. Тогда дойдет очередь и до ее подельников. Или до их потомков.

Согласно плану профессора, скупщицу следовало брать под утро и везти в надежное место на расколку.

Другой вариант: завалить двух жиличек и произвести шмон конуры Алины в ее присутствии – авторитету не приглянулся. Наводчику тогда уж точно не отмазаться: о старушке некому особо беспокоиться, а у ее соседок, как выяснилось из представленных сыщиками досье, есть и братья, и сестры.

Конечно, можно замочить и деда-искусствоведа, но в группировке у профессора состоит его внук. Надо, выходит, итога...

Нет, чересчур длинный шлейф потянется. Ни к чему лишний раз светиться. Да и реализацию рыжья надежнее проводить через Савву Родионовича – тот наверняка знает этот предмет досконально.

Имелся у «убойного» варианта и другой серьезный минус. Профессор хотел добраться до «клада» лично, а не в присутствии понятых в лице собственных боевиков. Значит, мочить баб пришлось бы ему самому, что авторитету запахло.

Нет уж! Пусть пацаны выбьют из старухи ответ на вопрос «где?» и кончают болезную. Он же заберет приданое бедной девушки чистыми руками.

Правда, как сказал ее сосед Савва, на ночь она свою дверь запирает.

Впрочем, к операции будет привлечен Жетон – мастер на все руки. Врезной замок доверенного образца, опять-таки по сведениям Саввы Родионовича, для Жетона плевое дело. А квартирную дверь откроет наводчик.

В группировке профессора не так давно вошедшими в моду мобильниками пользоваться не любили: у братвы сложилось стойкое мнение, что их сотовые аппараты будут прослушиваться органами в обязательном порядке. Поэтому сразу договорились обо всем.

Битюг, Кислый и Жетон, объявил авторитет, в четыре утра вяжут бабку и везут на известный им пустырь.

Услышав это, боевики переглянулись. То, что босс распорядился ехать к котловану, а не на традиционное место колки несговорчивых бизнесменов – личный хутор профессора с пилорамой, для бойков означало одно: клиент на этом свете не заживется.

Сам он, продолжал главарь, к их прибытию, скорее всего, будет уже на месте, но, если задержится, можно начинать без него. Дело обычное – требуется расколоть девушку на предмет бабок и цацек.

Но все пошло наперекосяк – поначалу из-за пустяковой дорожной неприятности. Размечтавшись об открывающихся перспективах, авторитет слишком поздно затормозил и поцеловал в зад стоящую на светофоре «копейку».

Он сразу возмутился – чего ради этот козел остановился на красный свет в пятом часу утра! Но тут профессор увидел машину дорожно-постовой службы...

Гаишник попался упертый. Руку с баксами отвел в сторону и повез проверять авторитета на алкоголь. Потом составление протокола, то да се...

Освободился главарь криминальной группировки часа через два, а приехав к котловану, увидел, что боевики отводят глаза...

Возможность их сговора с последующей экспроприацией *его* десяти миллионов долларов (десяти лимонов баксов!) до сего момента не бралась Профессором в расчет. Но, когда он услышал от быков, что у них якобы тоже произошла авария, а бабка за это время самопроизвольно испустила дух, то не смог поверить в такое тройное стечение неблагоприятных обстоятельств...

Глава пятая Затонувший буксир

Блуждающие по сторонам лучи наших фонарей выхватили из мрака силуэт повалившегося на правый борт и расколовшегося почти надвое буксира.

Судя по виду, он провёл в состоянии «полного погружения» не один десяток лет, наполовину осев в серый песок и для полного счастья зарывшись носом в дно. Вот почему даже «Волго-Балт», достаточно сильное судно по сравнению с массой «утюга», не смог сдвинуть этот памятник кораблекрушения с места.

Как мы и предполагали, трос, накрутившийся на винт сухогруза, смотался с небольшой носовой лебедки буксира. Каким именно образом тяжелый стальной канат смог напрыгнуть на винт, идущий на расстоянии двух метров ото дна, я даже не задумывался. Нева порой вытворяла такие немыслимые пируэты, о которых любой не посвященный в тонкости нашей профессии мог бы сказать, что такого не может быть, потому что не может быть никогда. Но это – для чайников, а мы мастера аварийно-спасательной службы, за два года хорошо научились ничему не удивляться.

Облазив буксир, обнаружили несколько занятных деталей. Если верить табличке, приклепанной на палубной надстройке возле двери в ходовую рубку, судно построено в тридцать втором году. А согласно трафарету, который, к нашему немалому удивлению, еще возможно было прочитать, оно принадлежало ленинградскому торговому порту.

Но самым интересным стало открытие, недвусмысленно дающее понять, что «утюг» потоплен в результате серьезных разрушений на корме после взрыва. Мы сошлись во мнении, что это мог быть сброшенный с самолета фугас. Последний раз они рвались в городе во время блокады, так что время катастрофы тоже стало примерно известно.

Хаммер сообщил на «Фламинго» о находке и отправился проверить лебедку, а я решил из чисто спортивного интереса осмотреть утопленника еще раз.

В общем и целом выглядел он так, как и подобает пролежавшему пятьдесят лет под водой кораблю. Ржавый, грязный, покореженный от времени и постоянного течения, с одним-единственным целым стеклом в передней переборке палубной надстройки.

Если не считать вывалившихся через пролом в корпусе и позеленевших от старости трех деревянных и одного металлического ящиков, я не нашел ничего интересного.

Когда я легонько пнул один из них – он рассыпался, выпустив в воду стремительно унесенное течением облачко черной мути. Чем бы ни было его содержимое, за годы пребывания в воде оно превратилось в прах, слизанный Невой при малейшем прикосновении.

Повторив такую же процедуру с оставшимися двумя деревянными ящиками и проводив взглядом очень похожий на «дымовую завесу» спрута туман, я наконец добрался до железного сундука.

Он был еще достаточно крепким и не хотел открываться, поэтому я свистнул Хаммера с инструментом.

– Серега, подойди ко мне. Посмотрим, что здесь такое...

– В чем дело, Микульчик? – раздался в наушниках голос кэпа. – «Волго-Балт» должен уйти через тридцать минут, иначе я вам устрою вместо увольнения шесть часов политза-

нятий. Будете наизусть учить бессмертное творение генсека «Малая земля», а не девчонок тискать по квартирам.

– Здесь очень интересный металлический ящик, он вывалился из трещины в буксире, – объяснил я причину задержки. – Мы всколупнем крышку и посмотрим, что внутри. Это не займет больше минуты.

Хаммер протянул мне какую-то хреновину, и я, опустившись на колени, принялся выламывать замки.

– Что за ящик? – настороженно спросил Дмитрич. – Смотрите, не наломайте дров, экспериментаторы хреновы!

– Просто ящик, что-то вроде сундука, – ответил Павлов, внимательно наблюдая за моими манипуляциями.

Один замок уже капитулировал, и я усердно ковырялся во втором. Наконец поддался и он.

Я вогнал под крышку короткую стек-монтажку и, используя ее как рычаг, навалился сверху.

Посопротивлявшись для приличия пару секунд, крышка дрогнула, с нее поднялось облачко песка, а потом одна за другой не выдержали и обломилась ржавые петли.

Я взялся руками за один край, Хаммер – за второй, и мы приподняли крышку сундука на несколько сантиметров...

А потом так и остались стоять как вкопанные, непонимающе разглядывая содержимое ящика из-под патронов. Я ожидал обнаружить именно боеприпасы, сохранившиеся еще со времен войны, так как пару раз за время службы мы уже вылавливали в Неве утонувшие полвека назад и несдетонировавшие авиационные бомбы. Но то, что предстало перед нами сейчас, не укладывалось ни в какие рамки!

Я с трудом сглотнул слюну и прохрипел:

– Ну?.. Крыша не едет?

Хаммер промычал что-то нечленораздельное, а потом медленно приложил одетую в резиновую перчатку руку с поднятым указательным пальцем к тому месту, где у человека, не облаченного в шлем-«трехболтовку», должен был находиться рот. Потом покачал головой: «Молчи, идиот» – и ткнул пальцем вверх, где переваливался с волны на волну наш рейдовый водолазный катер.

Я все понял, кивнул в ответ.

Мы положили крышку на дно, рядом с сундуком, и, не сговариваясь, одновременно опустили на колени по обе стороны от металлического ящика.

Я долго не мог решиться, но потом все-таки протянул руку и осторожно, словно прикасался к проплывающему в воздухе мыльному пузырю, взял одну из вещей.

И на моей ладони зажглась, сверкая желтыми гранями в свете подводных фонарей, маленькая золотая монета. Это была старинная немецкая марка с гордым профилем какого-то мужика в кудрявом парике.

Я повертел монетку в руке и прочитал дату ее выпуска. Выходило, что она старше нас с Сергеем лет на сто.

Мы, не моргая, смотрели на золотые деньги самых разных размеров, номиналов и стран, на большой серебряный кубок на витой ножке, на всевозможные цепи, кресты и фигурки, многие из которых были инкрустированы сверкающими камнями.

Я понял, что начинаю медленно сходить с ума, и лишь резанувший по ушам, будто раскат грома, голос капитана Рогожина вернул меня к реальности.

Сергей глубоко вздохнул и тихо ответил кэпу, интересующемуся содержимым находки:

– Здесь ничего нет, командир... Мы возвращаемся к винту и беремся за работу...

– Пошевеливайтесь! За сухогрузом уже очередь из кораблей выстроилась, – буркнул капитан третьего ранга, кап-три, и отключился.

Я встал с колен, положил монету в кармашек на комбинезоне.

Потом мы с Хаммером молча подняли со дна крышку, накрыли ею сундук и оттащили его в образованную треснувшим корпусом затонувшего буксира нишу.

После чего, направив перед собой лучи фонарей и осторожно придерживаясь за ощерившийся шипами трос, двинулись назад к «Волго-Балту».

Глава шестая Новый фигурант

Профессор стоял у окна в своем кабинете и размышлял о том, что же делать дальше. Впрочем, первый шаг понятен – напрашивался шмон на жилплощади покойницы Алины. Но он не слишком верил, что найдет там сундук с рыжем, а значит, уже сейчас надо продумать последующие действия.

Однако в голову, несколько потрясенную только что проваленной операцией, ничего путного не приходило...

Профессор не испытывал никаких особенных чувств из-за четырех жмуров – три из которых были совсем не плановые. Да и с Алиной он в тот момент еще окончательно не определился...

Но авторитет не мог не понимать, что действовал на пустыре под влиянием нахлынувших эмоций, а не по трезвому расчету. Вот и братков со скупщицей отправил на дно без грузил... Всплывут ведь... Нервишки, блин, нервишки...

Босс вызвал секретаря:

– Съезди к Косте, прорабу нашему. Пусть пошлет на пустырь... тот самый... бульдозер с экскаватором. На котловане нужно поработать... Как обычно...

Эта процедура проводилась регулярно, примерно раз в году. Дно котлована присыпалось метровым слоем грунта. Для надежности...

Охранник-секретарь хотел было сказать, что присыпку производили всего месяц назад, о чем шеф, видимо, запомнил, но вовремя спохватился – Профессор никогда ничего не забывал.

Авторитет вышел на улицу. Хорошо зная ситуацию в питерском ГУВД, он в душе потешался над мнением своей братвы, будто все их телефоны, особенно мобильные, на прослушке.

Хотя от гэбэ, к примеру, всего можно ожидать – к «старшим» в «конторе» подходы у него были слабо проработаны. Поэтому и приходится в особых случаях пользоваться телефоном-автоматом. Сейчас как раз такой случай.

Профессор набрал номер искусствоведа:

– Савва Родионович!.. Узнаете меня? Это Александр Афанасьевич, начальник вашего вьука... Да-да... Во сколько ваши соседки ложатся спать?

Собеседник, похоже, пребывал в замешательстве – с ним рядом, очевидно, кто-то находился. В трубке раздалось предупреждающее покашливание.

– Ну, давайте так... – сразу же отреагировал авторитет. – Через час сможете ко мне подъехать?... До встречи.

Искусствовед прибыл заметно возбужденным.

– Привязалась эта девка из благотворительной службы!.. «Где Алина Серафимовна!», «Куда делась бедная старушка – ведь она совсем не ходит!» – бухнул он с порога.

– Ну и что ты ей ответил, старый козел?

Политес годится только для знакомства – теперь пора указать лоху на его место. Наводчик смешался и усиленно захлопал жидкими ресницами.

– Что стоишь, как приваренный? – Авторитет кивнул на стул.

Посетитель поспешно на него шлепнулся.

– Слушай сюда. Алина Серафимовна ликвидирована за отказ от дачи показаний. И так будет со всяким, кто не желает с нами сотрудничать или попытается ввести нас в заблуждение. Так что ты сказал этой сучке?

В отличие от хозяина кабинета искусствовед твердо был уверен, что после его сообщения бандитам о сокровищах соседки той не жить. Поэтому слова главаря об убийстве Алины не произвели на него никакого впечатления. Но он совсем не ожидал такого приема и теперь с трудом подбирал нужные части речи.

– Ну... сказал, что, по-видимому, родственники... или знакомые... ее забрали... Меня, мол, в тот момент не было... А перед этим, дескать, мужчина ей звонил... Она, видно, к нему и съехала...

– Вот так и ментам отвечать будешь, ежели что. Но к ним сам не обращайся. Я скажу, когда это следует сделать.

Босс нажал на кнопку.

Вошел уже знакомый искусствоведу парень с фигурой параллелограмма.

– Приволоки дедуле чаю. – Авторитет любил работать на контрастах. – «Липтон», кажется? – Он ободряюще взглянул на Савву Родионовича.

Старик, до этого напуганный самым серьезным образом, благодарно кивнул, и его сморщенные черты лица немного разгладились.

– Значит, так и скажешь ментам, – повторил Профессор, – что дня за два до исчезновения соседки звонил мужчина...

– Вообще-то он звонил пару недель назад, – неожиданно перебил его наводчик.

– Как это? – насторожился авторитет. – Выходит, и вправду был такой звонок? Ты вроде говорил, что скупщица ни с кем не общается...

– Так оно и есть! Алина услышала его голос и тут же повесила трубку. Этот мужчина и раньше ей названивал у него еще такой характерный еврейский прононс...

– Как часто он звонит? – спросил Профессор.

– Очень редко. Может, раз в год... И Алина никогда с ним не разговаривает. Поэтому я о нем ранее и не упомянул.

– Вот что, дедуля. Я приду на вашу общественную хазу сегодня с визитом. Ровно в полночь квартира должна быть открыта. Соседки к тому времени уснут?

Искусствовед молча кивнул.

– Все, свободен. – Криминальный босс жестом указал на дверь.

«Что за мужик такой звонил? – мысленно прикидывал авторитет. – Если бабка вела уединенный образ жизни, то это какой-то очень давний ее знакомый. Может, с последнего места службы?»

Из досье, собранного сыщиками детективного агентства, следовало, что после войны и до ухода на пенсию Алина Серафимовна Норкина работала на кондитерской фабрике, занимая различные административные посты. (Сведений о ее трудовой деятельности в довоенный и блокадный периоды в досье не содержалось – агентство не получало от осторожничающего Профессора такого задания.)

В сорок шестом году Алине было уже под тридцать, продолжал размышлять авторитет. Неужто в то время, или даже позднее, у нее возникла романтическая связь, следы от которой тянутся почти через столетия?

Профессор видел паспортную фотографию Алины, где та была запечатлена в сорокалетнем, похожем, возрасте. На роковую женщину она никак не тянула... Да и наводчик уверял – мужики к ней не заглядывали.

Возможно, что с тем парнем на другом конце телефонного провода у нее были отношения иного рода...

Глава седьмая Тревоги и мечты

Спустя час мы уже поднялись на борт «Фламинго», стащили с себя мокрые от пота комбезы, обтерли раскрасневшиеся лица грубым флотским полотенцем и, усевшись на корме, с огромным удовольствием закурили по сигарете.

Катер, отшвартовавшись от сухогруза, развернулся и, урча дизелем, потащился обратно на базу, на этот раз гораздо медленней из-за ставшего встречным течения.

Хотя, в общем, нам уже некуда было торопиться, если не считать ужина. Но для находящихся на задании его всегда оставляли особо, и в таких случаях наш кок Руслан не скупился. Пайка получалась объемной, что не могло не радовать таких фанатов кача, как я и Павлов. Ведь мы тренировались почти ежедневно, перелопачивая за тренировку по несколько тонн на брата.

Кроме бодибилдинга мы с Хаммером занимались еще и в «Школе самозащиты», где разучивали различные приемчики, полезные в экстремальных ситуациях. А я дополнительно посещал секцию греко-римской борьбы.

Единственные неспортивные слабости, которые позволяли себе я и Сергей, – выкурить сигаретку-другую до и после погружения, а также время от времени пропустить по стаканчику в компании прекрасных леди. Если, конечно, этим словом можно назвать тех представительниц женского пола, с которыми мы общались, будучи призванными под знамена Военно-Морского Флота.

Сейчас мы просто сидели на палубе, курили и молчали, не решаясь начать неизбежный для нас обоих разговор.

Золотая монета уже перекечевала из комбеза во внутренний карман моей фланки и, казалось, жгла левую часть груди.

Я стряхнул себе под ноги столбик серого пепла от «Эл-Эм» и посмотрел на кипящую позади «Фламинго» черную невскую воду. Мне чертовски нравилось, находясь на палубе идущего по фарватеру катера, наблюдать, как отражаются от ребристой поверхности реки тысячи береговых огней. Они образовывали извилистые светящиеся дорожки и делали воду похожей на висящее над головой ночное небо.

Павлов докурил, выбросил сигарету за борт, как бы между делом огляделся по сторонам, а потом сел ко мне поближе и заговорил тихим, порой переходящим в шепот голосом:

– Ну, что ты думаешь по поводу увиденного?.. Там ведь столько золота, что голова кругом идет!.. Черт, откуда оно взялось?

– С буксира, – я непринужденно пожал плечами, – с затонувшего, а точнее, потопленного во время войны буксира. Куда оно плыло, откуда – сие навсегда покрыто мраком. Разве сейчас не все равно? Главное – мы нашли настоящее сокровище. Осталось лишь поднять его из воды, и весь мир у наших ног!..

– Далекая перспектива... – Хаммер покачал головой. – До увольнения со службы этого не сделать, потом начнутся холода, встанет лед... Не раньше апреля, как ни крути!

– Пусть так. Куда нам торопиться? Зато подумай, – я тоже перешел на шепот, – какие возможности открываются перед нами, когда мы станем богатыми мальцами!.. Можно открыть свой бизнес, купить дом, машину... и даже не одну! Все, что душа пожелает. Глав-

ное – не влипнуть в плохую ситуацию и никогда и ни при каких обстоятельствах не рассказывать никому, откуда у нас появились деньги. Пришить нам ничего не смогут, так как криминала за нами нет, а остальное не так важно.

– С ума сойти, я – миллионер! – На физиономии Сереги промелькнуло странное выражение, будто ему неожиданно сообщили, что он уже завтра может снимать форму и отправляться к себе в Озерки. – И я могу купить себе черный «мерседес» с кожаным салоном, катать в нем длинноногих девочек и трахать их на заднем сиденье...

– Если ты сделаешь так, как только что сказал, то очень быстро получишь пулю в затылок и в полном соответствии с летальным исходом расстанешься со всем своим богатством, включая девочек.

– Да я так, дурака валяю, – отмахнулся Павлов. – Просто до сих пор кажется, что мне приснился всего-навсего красивый сон. Сейчас зазвонит будильник, и все исчезнет, как не бывало. Слушай, Глеб, дай подержать эту монету, а то я действительно поверю, что поймал глюк от перенапряжения или недостатка кислорода...

Маленький, размером чуть больше копейки, желтый кружочек при тусклом свете палубных огней уже не казался таким сверкающим, как в тот миг, когда мы впервые осветили его подводными фонарями. Но от этого он ничуть не утратил свою настоящую цену, отличающуюся от дешевой советской медяшки так же сильно, как отличается видимое нами на голубом небосклоне солнце от его реальных размеров.

Павлов, поглядев на раритет всего несколько секунд, вернул его обратно.

– Знаешь, – после продолжительной паузы, нарушаемой только свистом свежего ночного ветра, снова заговорил он. – Мне всю жизнь казалось, что со мной должно случиться что-то такое фантастическое, что бывает только в кино или в книжках. Иногда я чувствовал это почти физически, но затем все снова исчезало, а удача проходила стороной. Но сегодня, когда взвыла сирена – веришь? – я снова почувствовал ни с чем не сравнимое ощущение близости чего-то серьезного, значительного, что в корне может изменить всю мою дальнейшую жизнь! И вот, нате, получайте! Все сразу, и выше крыши... А на душе стало неспокойно, понимаешь? Как будто это золото не принесет мне настоящего счастья, а только одни беды и... кровь.

«Фламинго» между тем сделал левый поворот и почти вплотную подошел к «стенке», где нас уже встречали.

Катер еще не пришвартовался, а мы с Серегой уже спрыгнули на пирс, перебросились парой слов с поджидающими «Фламинго» ребятами и быстрым шагом направились на камбуз.

После напряженной работы и неожиданно свалившихся на наши головы нестандартных эмоций есть хотелось много и долго.

Глава восьмая

Шмон

Профессор осторожно надавил на квартирную дверь. Она, как и договаривались, не была защелкнута на замок.

Включил фонарь. Припоминая ориентировку искусствоведа, нашел комнату скупщицы.

Легонько толкнул, к счастью не скрипнувшую, дверь.

Вошел в комнату. Тут же задернул на окна шторы. Найдя выключатель, зажег люстру.

Вышел из комнаты. Посмотрел на дверь со стороны коридора. Из-под нее пробивалась полоска света.

Вернулся в комнату. Подтянул к двери ковровую дорожку, закрывая ею щель.

Снял ботинки. Только сейчас вспомнил про нитяные перчатки – сказался десятилетний перерыв в такого рода делах.

Профессор решил на первый раз провести лишь поверхностный шмон – без вскрытия пола и разборки мебели. Он не хотел оставлять следы «несанкционированного обыска» на случай, если делу о пропавшей старухе дадут серьезный ход. Ибо, чтобы ни писали в газетах, далеко не вся городская ментовка у него в кармане. А потом, в удобный момент, если возникнет необходимость, можно будет осмотреть конуру более фундаментально.

Шмонать жилуху для Профессора – дело совсем не новое. По воровской специальности он – квартирный налетчик. За что и пострадал.

Одна чувиха, директриса ресторана, оказалась дамой не в меру впечатлительной и при налете на ее хазу сиганула с четвертого этажа.

Мало того, что живой, стервоза, осталась, но и его адекватно сумела описать...

Пол он хоть ковырять и не собирался, но осмотрел внимательно. Никаких следов захоронений. Во всех щелях между досками ровный толстый слой пыли.

Впрочем, это мало что значит. Старуха могла годами не прикасаться к своим цацкам. Ей достаточно просто знать, что она надежно обеспечена и никоим образом не помрет в нищете.

Профессор по роду деятельности немало знал таких вот стариканов-старушенций и хорошо разбирался в их психологии. Рядовой, в общем-то, случай...

Потом он прощупал стены. Безрезультатно.

Открыл гардероб, откуда сразу донесся классический запах нафталина.

С одеждой у дамы оказалось не густо. Что ж, меньше придется возиться со шмотками.

В шубе нашел небольшой ключик. Сунул пока его в карман.

В полках с бельем обнаружил две тысячи баксов и объемистую пачку деревянных. Бабки, не задумываясь, кинул в принесенную с собой хозяйственную сумку.

Проигнорировав книжный шкаф, перешел к буфету. Дверца бара в нем оказалась закрытой.

Вытащил найденный в старухином барахле ключ. Подходит.

В баре находились слегка початая бутылка французского коньяка «Камю», так называемый семейный альбом и пачка писем.

Авторитет взял в руки бутылку и, почему-то оглянувшись, хорошенько к ней приложился. Но жадничать не стал – сделав, как говорится, добрый глоток, поставил французское пойло на место.

Приступил было к просмотру альбома, но вдруг осознал: бар оказался подозрительно небогат содержимым. Где, например, паспорт, пенсионное удостоверение, трудовая книжка?

Поскольку он перерыл уже всю комнату, кроме книжного шкафа, пришлось им и заняться.

Профессор перетряс всего Стендаля с Бальзаком, а также кучу другой макулатуры, но решительно ничего не обнаружил.

Бывший студент надолго задумался, будто вытащил несчастливый билет.

Ага! Ведь документы могли оказаться у Алины с собой! Пенсионеры часто хранят свои ксивы в одежде.

Авторитет попытался восстановить в памяти, что на бабке было надето там, в прицепе у котлована. Совершенно точно, не нижнее белье.

Да, вспомнил он наконец, желтый халатик с карманами.

Профессор успокоился и принялся за альбом.

Его ждало разочарование – все фотографии оказались довоенной поры. Причем на подавляющем большинстве Алина была изображена с одним и тем же парнем. Как ни странно, его лицо показалось Профессору знакомым. Но он отмахнул от себя это наваждение.

Последнее фото было датировано маем сорок первого. Девушка с приятелем стояли у фонтана. Надпись также гласила, что снимок сделан в Петергофе.

Тут авторитет был вынужден не согласиться с собственным мнением о внешности Алины, создавшимся у него при просмотре фотографии «на паспорт». Девушка у фонтана выглядела очень недурно.

Снимок он сунул во внутренний карман пиджака.

Налетчик пододвинул к себе пачку писем. Верхнее выглядело достаточно свежим. Взглянув на штемпель, он убедился, что малява всего лишь месячной давности, и тут же с сожалением отметил – отсутствует обратный адрес. Хорошо хоть номер почтового отделения отправителя отпечатался четко.

Уже понимая, что эта бумажка, вероятно, единственная зацепка к блокадным сокровищам, он отложил ее в сторону, на десерт, и принялся за остальные письма.

То были исключительно любовные послания, аккуратно выведенные теперь уже выцветшими фиолетовыми чернилами. Все они оказались довоенной поры, и под каждым из них стояла подпись: *Натан*.

Вытаскивая наконец из конверта отложенное письмо, авторитет отчетливо ощутил внутреннюю дрожь, как будто в натуре вскрывал ящик с рыжьем.

Ознакомившись с малявой, подписанной опять-таки *Натаном*, – во, бля, любовь! – он пришел к выводу: шанс есть.

Аккуратно прибравшись, Профессор покинул хазу покойной скупщицы.

Письмо без обратного адреса он взял с собой.

Документы из бара изъясил Савва Родионович.

Из слов главаря бандитов, рассуждал искусствовед, вытекает, что ночью будет проведен тотальный обыск комнаты соседки – царствие ей небесное. Золото они вряд ли найдут – пенсионер, как и авторитет, считал, что Алина Серафимовна не стала бы хранить драгоценности в таком ненадежном месте, – но трудовую книжку обнаружат определенно. А из нее наверняка выяснится, что ни в каких «продовольственных» организациях ни до, ни во время войны гражданка Норкина не работала.

Ему даже подумать было страшно, что с ним сотворят за такую дезинформацию. Ведь тот жуткий уголовник со шрамом ни за что тогда не поверит и всему остальному, сказанному Саввой Родионовичем. Как говорят между собой эти уркаганы, «за базар придется ответить»!

Найдя после не слишком долгих поисков трудовую книжку, наводчик избавился от нее.

И тут ему пришло в голову, что полное отсутствие документов сработает на их с главарем мафии версию: дескать, пожилая женщина уехала к хорошим знакомым и взяла с собой все самое необходимое.

Тогда искусствовед забрал и уничтожил паспорт и пенсионное удостоверение.

Деньги Савва Родионович тоже обнаружил, но отчего-то взять их испугался.

Отоспавшись, Профессор прямоком двинулся в подконтрольное ему частное агентство.

– Найди мне этого пацана. – Он положил письмо на стол директора фирмы. Верхняя часть листка с именем девушки была отрезана – авторитет не хотел, чтобы это задание сыскари связали с предыдущим. – А вот его фотография. Правда, не очень свежая. – Босс рэкетиров слегка улыбнулся, протянув детективу снимок полувековой давности.

На фото, как, впрочем, и в жизни, парень у фонтана был теперь один, без своей Алины...

Часть вторая Перед дембелем

Глава девятая Пришлось вмешаться...

Когда кап-три пребывает в хорошем расположении духа, иногда удается выбраться в увольнение.

Так и произошло в нынешний теплый сентябрьский денек, и мы напрямик отправились домой к Павлову.

Нас встретила его интеллигентная мама, сразу же потащившая «матросиков» на кухню, где жарился застреленный отцом Хаммера лось. Папаша у Сергея, надо сказать, охотник был еще тот, так что дома у семейства блюда из дикого зверя практически не переводились.

Когда я, уплетая темное и вкусное мясо, поинтересовался у Павлова-старшего насчет того, открыт ли сейчас сезон отстрела лосей, он как-то странно посмотрел на меня, а потом перевел разговор на другую тему. Хаммер же легонько пнул меня ногой под столом.

Мы пообедали, сменили форму старшин первой статьи на вполне обыкновенную гражданку и направились на автобусную остановку, чтобы добраться до дискотеки.

На улице было довольно жарко, а поэтому и я, и Павлов были одеты в хлопковые рубашки с короткими рукавами. Ребята мы отнюдь не щупленькие, так что становилось приятно, когда и мужики, и женщины, проходя мимо нас, непроизвольно выворачивали шеи.

Два высоких, коротко стриженных атлета в гавайских рубашках и белых брюках – разве можно не обратить внимания на таких молодцов? Когда нам с Серегой удавалось вырваться на пляж, там мы вообще были гвоздями программы.

Но, с другой стороны, нас удивлял почти намертво засевавший в головах граждан стереотип – раз парень здоровый, хорошо одетый, да к тому же еще и стриженный, значит, он обязательно принадлежит к числу быков, в огромном количестве расплодившихся в последние годы не только в Питере, но и по всей стране.

К криминалам мы с Павловым относились, мягко говоря, отрицательно и потому очень разозлились, когда к сидевшим недалеко от нас в салоне автобуса девушкам начали бесцеремонно клеиться двое кавказцев явно бандитского толка. Да и разговор их не отличался особым разнообразием деликатных выражений.

– Эй, пойдем со мной, погуляем! – цеплялся к одной из юных пассажирок «шашлык» в джинсовой рубашке.

– Я хочу тебя немножко любить! – шептал, между прочим чересчур громко, другой джигит сидящей рядом девице. И подкреплял слова действиями, распуская волосатые ручонки.

– Отстаньте, пожалуйста! – отбивались две красивые светловолосые подружки, но кавказцы только ржали и настойчиво пытались убедить девчонок, что с ними им будет очень хорошо.

Понаблюдав пару минут за происходящим, мы решили вмешаться.

– Послушай, биджо, тебе, по-моему, вразумительно объяснили – с тобой не собираются никуда идти! Ты что, друг, по-русски плохо понимаешь? Так я переведу! – Хаммер взял одного из джигитов за локоть и посмотрел ему прямо в жгучие карие очи.

«Гостю» северной столицы это совсем не понравилось, и он молниеносно переключился с разом замолчавших девчонок на обидчика, совсем невежливо схватив его за отворот рубашки.

– Ты что, крутой, малчык, да?! Я твою маму...

Закончить фразу гордый ара не успел – Хаммер просто взял его за плечо и слегка сдавил, отчего на глазах у сына гор моментально выступили слезы.

Он взвыл и попытался ударить Серегу в живот, но уже спустя две секунды его небритое лицо смотрело в грязный пол автобуса, а рука была заломлена за спину.

А еще мгновением позже прямо перед носом Павлова сверкнула лезвием здоровенная выкидушка. Второй джигит решил исправить ситуацию хорошо знакомым ему с самого детства методом поножовщины, но, видимо, забыл, что находится не в предгорьях Кавказа, а в городе на Неве, где такой вид общения не всегда находит понимание.

Настал черед вмешаться и мне.

Хватило одного удара ногой, чтобы нож отлетел в сторону, едва не зацепив какого-то старика в рваном плаще, и одного – рукой, после чего кавказец каркнул и схватился за сломанный нос, из которого брызнула горячая южная кровь.

Автобус загалдел, как стая наседок, а мы с Серегой, удовлетворившись проделанной работой, вернулись на свои места.

Благодарности от девушек мы не ждали, но, если честно, не стали бы возражать против «спасибо, вы нам ужасно помогли» и хотя бы одного на двоих номера телефона.

Но все получилось совсем иначе.

Водитель автобуса, вероятно неправильно истолковав ситуацию, нажал на тормоз, а потом выбежал из кабины на улицу, прямо к стоящему возле магазина «Напитки» милиционерскому «уазику».

Я не знаю, что он там говорил, но не прошло и минуты, как в автобус ворвалось четверо милиционеров. Для порядка саданули нас пару раз резиновыми дубинками, а потом застегнули на запястьях наручники и вытолкали наружу.

Кавказцы каким-то хитрым образом растворились в толпе пассажиров, так что все лавры целиком и полностью достались нам с Хаммером.

Когда нас выводили, я обратил внимание, что одна из девушек быстро написала что-то на автобусном билете и почти неуловимым движением засунула клочок бумаги в карман Павлову.

Он этого не заметил. А вот я заметил. И ни на йоту не сомневался, что написала она не что иное, как тот самый номер телефона, о котором я размышлял пару минут назад.

Вот она, настоящая женская благодарность!

В следующую секунду меня опять саданули дубинкой по лопаткам, и лирическое отступление быстро сменилось жгучей болью. Потом нас бесцеремонно затолкали в «обезьянник» и повезли в неизвестном направлении.

Глава десятая В ментовке

– Слышь, старик, нас, похоже, приняли за бандитов, – сказал я Хаммеру, на что он с готовностью кивнул. – В который раз! Что будем делать? Прикинемся гражданскими? Будем молчать, как Зоя Космодемьянская?

– Бесплезно. Все равно до конца жизни не закошишь. Уж лучше получить все сразу, чем мучиться в ожидании «инквизиции». Что нам могут пришить? Драку в общественном месте и нахождение во время законного увольнения в гражданской форме одежды... – Сер-

гей старательно загибал пальцы. – Максимум это десять суток ареста, с отбыванием наказания на гарнизонной губе.

– И увольнение в запас тридцать первого декабря, за пять минут до Нового года, – добавил я, растирая то место, где наручники сжали руки. Стандартные милицейские браслеты явно не рассчитывались для ареста бодибилдеров.

– Ну, и это до кучи, – согласился скрепя сердце Сергей.

Вскоре мы подъехали к милицейскому участку. Нас, как нашкодивших котят, выволокли из машины и, подталкивая дубинками в спину, повели в околоток.

Старший сержант, сидящий на месте дежурного, лениво жевал бутерброд с колбасой и запивал его чаем из граненого стакана. Увидев нас, довольно ослабил.

– Отлично, отлично, Удальцов! Откуда этих?.. – Он взял со стола пачку дешевых сигарет и торопливо закурил, не спуская с нас сверкающих глаз. – Я что-то засиделся сегодня, пора и размяться!

– Драку учили в автобусе, – отрапортовал идущий сзади нас «младшой». – К девушкам приставали!

– К девушкам?! – наигранно удивился сержант. – Как думаешь. Удальцов, провести с этими бычками воспитательную работу или просто оставить в камере до завтрашнего утра, без еды и походов в сортир? – Дежурный вылез из-за стола и вплотную подошел к нам, не переставая улыбаться.

– Попридержи лошадей, командир, – бросил Хаммер, поймав взгляд сержанта. – Не про тебя добыча. Вызывай комендатуру – военные мы, моряки.

– Чего? Ах, военные! Тогда совсем другое дело! – И он изо всех сил ударил Серегу в живот.

«Не получилось у джигита, вышло у мента», – подумал я в тот момент.

Хаммер согнулся пополам и зашипел, а дежурный снял с вбитого в стену гвоздя связку ключей и кинул ее приведшему нас в участок младшему сержанту.

– В четвертую их, – а сам снова уселся на место за стеклом и принялся доедать бутерброд и допивать остывающий чай.

Несколько шагов по тусклому коридору без окон – и мы очутились в комнате, где, кроме грязного окошка под самым потолком, не было ничего. Обшарпанные стены и давно невымытый пол. К тому же кое-кто из недавних обитателей камеры вовремя не был выведен дежурным в туалет.

Нетрудно себе представить, какое выражение появилось на наших с Павловым лицах, едва мы переступили порог. Наручники не сняли, так что нам оставалось только стоять на ногах, прислонившись к стене, и ждать приезда комендатуры с автоматами.

А этот сержант вполне мог свалить дурака и вызвать машину с караулом только на следующее утро, когда кэп сам позвонит коменданту и сообщит о внеплановой задержке двух старшин первой статьи в очередном увольнении.

– Надо же было так влипнуть, елы-палы, – причитал Сергей, рассматривая нацарапанные на стенах надписи. – Кто нас просил ввязываться не в свое дело? Правильно говорят – ни один добрый поступок не остается безнаказанным!

– А ты хотел бы познакомиться с той, что с длинными волосами? – небрежно спросил я.

– Еще бы! – усмехнулся Сергей. – Ты видел, какие у нее ноги?.. Да и личико... И вообще, она просто конфетка шоколадная! Я балдею от загорелых девчонок с белыми волосами!..

– Тогда достань из заднего кармана брюк номер ее телефона и балдей дальше, – сказал я равнодушным голосом.

Павлов встрепенулся, словно его ужалила пчела.

– Чего?! Ты это о чем, дружище?

– О том автобусном билете, который успела засунуть тебе в карман та самая блондинка в награду за неслыханный героизм по защите ее девичьей чести.

– Да как же я посмотрю номер, если у меня руки в браслетах?! – взорвался мигом проникший в тему Хаммер. – Слушай, Глеб, давай я достану, а ты мне покажешь, а?

Сергея не без труда извлек из заднего кармана билет.

Я подошел к нему задом, взял на ощупь бумажку и попытался расправить, чтобы можно было прочитать надпись.

Хорошо мы, наверно, смотрелись со стороны!

– Здесь ничего нет, – наконец раздался позади меня разочарованный голос друга. – Может, на обороте?..

Я перевернул билет.

– Ага! Вижу! – воскликнул Сергей радостно. – Очень плохо написано. Видимо, малышка торопилась.

– Понятное дело, торопилась. Однако долго мне еще стоять в такой интересной позе?

– Да подожди ты, ничего с тобой не случится! – нетерпеливо ответил Хаммер, вероятно с тщательностью Шерлока Холмса пытаюсь расшифровать начерканные авторучкой цифры. – Две я уже пробил, осталось еще пять... По-моему, третья цифра «семь»! Или... один?

– Ты у меня спрашиваешь? – злился я. – Ты имя-то хоть прочитал?

– Нет тут никакого имени, только номер телефона, – ответил, погрузившись, Павлов. – Но все-таки зацепка имеется, как ни крути!..

– У меня предложение, – с трудом сдерживая нетерпение, сказал я. – Давай засунем этот чертов талончик обратно в твой карман, а потом, когда нас освободят от наручников, ты сам спокойно во всем разберешься. Лады?

– Хорошо, хорошо, – не слишком обрадовавшись, согласился Сергей, и мы снова повторили процедуру передачи билета. Он развернулся ко мне спиной, нащупал сначала мои браслеты, затем – талончик, взял его и положил в задний карман своих белых льняных брюк.

Потом мы опять повернулись лицом друг к другу...

Глава одиннадцатая

Старый ювелир

Хозяин ювелирной мастерской сидел в своем рабочем кабинете, обхватив руками голову.

Почему-то именно сейчас, когда ему перевалило за семьдесят пять, Натан Львович Канторович все чаще погружался в воспоминания, в события полувековой давности.

Казалось, уже все перегорело, былшем поросло, а нет – перед глазами снова вставала Алина, единственная из женщин, которую он действительно любил, как теперь, с высоты прожитых лет, стало окончательно ясно...

Вспоминалось и другое... Впрочем, это «другое» никогда и не уходило из памяти...

Ювелир взял со стола отремонтированный перстенок с сапфиром и открыл массивный сейф, положив в него золотую безделушку и достав оттуда старую папку с пожелтевшими листами бумаги. Раскрыл ее в одном ему известном месте.

В несчетный раз за последние несколько десятков лет он брал калькулятор и вычислял текущую стоимость тех драгоценностей, что значились в его описи в зашифрованном виде. Если брать по максимуму, то вырисовывалась сумма в шесть с половиной миллионов долларов...

Натан Львович невольно испустил протяжный стон...

Полвека назад, во время ленинградской блокады, к нему обратился с заманчивым предложением его хороший знакомый – точнее, хороший знакомый его погибшего на фронте отца – Михаил Фридман. Тот занимал какой-то высокий пост в продовольственном комитете города и имел практически неограниченный доступ к продуктовым складам Ленинграда.

Суть предложения была проста, как прямая линия. Фридман достает продукты – сахар, тушенку, хлеб, – а Натан меняет их на драгоценности умирающих от голода людей. Дело в том, что молодой Канторович уже тогда слыл не последним человеком на рынке ювелирных изделий и имел множество клиентов.

Передавать же продовольственные раритеты непосредственно Натану будет помощник Фридмана Тарас Шкавро.

Ухватистый Канторович, которому к тому времени самому было впору менять собственные драгоценности на съестное, сразу уцепился за эту идею. Дело не выглядело слишком опасным – властям Ленинграда, попавшего под чудовищный пресс германской военной машины, было не до каких-то там спекулянтов.

Однако крайним Натан оставаться все-таки не хотел. И у него возникла недурная мысль – привлечь к обменным операциям свою близкую подругу Алину.

Встречное предложение Канторовича не пришлось, однако, по душе Фридману, который считал – чем больше людей участвует в деле, тем выше вероятность разного рода неприятностей. А когда начпрод узнал, что Алина живет в коммуналке, его возражения приобрели категорический характер.

Но Натан решительно не желал засвечивать ни себя, ни свою квартиру. В коммуналке Алины, объяснял он Михаилу Фридману, остался только один человек. Причем сосед – личность интеллигентная, искусствовед. Днюет и ночует у себя на работе, в Эрмитаже. А ежели что – заткнуть ему рот горбушкой хлеба будет не сложно.

С молодыми симпатичными девушками, убеждал партнера Натан, люди охотнее идут на контакт, не так болезненно будут реагировать на утраченные реликвии. Да и, кроме всего прочего, он, Канторович, работает на оборонном заводе, и времени для бизнеса у него крайне мало.

В конце концов Фридман снял свои возражения.

Но еще большие проблемы возникли с другой стороны.

Комсомолка Алина Норкина наотрез отказалась заниматься «таким грязным делом». И, как ни уговаривал любимую девушку Натан, рисуя грандиозные послевоенные перспективы их совместного безоблачного будущего в случае ее участия в деле, та – ни в какую.

Но...

Девушка попросту голодала. Она устроилась санитаркой в госпиталь, но продовольственные карточки, положенные за эту работу, отоваривались скудно. А когда она их потеряла...

Как только Алина бросила службу на медицинском поприще и приняла предложение приятеля, на неформальную группу товарища Фридмана обрушился золотой дождь. Дореволюционные старушки меняли свои фамильные драгоценности, не одно столетие передававшиеся из поколения в поколение, на ничтожные порции хлеба.

Однако положение на Ленинградском фронте принимало дурной оборот. Трио мужчин пришло к выводу, что город может быть взят тевтонцами. И тогда было принято решение об эвакуации нажитого добра в заранее обговоренное место.

Ящик с драгоценностями погрузили на буксир и повезли за пределы блокадного кольца в сопровождении Фридмана и Шкавро...

После чего оба подельника исчезли без следа.

Когда Натан рассказал обо всем Алине, с ней случилась истерика. Она наотрез отказалась поверить своему другу. Неразлучная пара рассорилась – и, как выяснилось, навсегда...

Спустя много лет вполне обеспеченный и без блокадной коммерции ювелир Канторович, движимый исключительно сентиментальными чувствами, позвонил Алине. Она, узнав его голос, бросила трубку.

Позвонил еще раз. С тем же результатом.

Годы и годы тянулась эта история. Натана Львовича, так и оставшегося холостяком, ностальгически тянуло к своей давней любви. Но Алина так и не смогла простить ему «обмана» с блокадным золотом.

Наконец, решив, что надо все-таки окончательно объясниться хотя бы перед смертью, Канторович пишет госпоже Норкиной почти отчаянное послание, где снова утверждает, что совершенно не виноват в «известном ей инциденте блокадных времен», и предлагает договориться о встрече. Пусть Алина хотя бы не бросает трубку, когда он позвонит...

Все попусту...

Нелегкие воспоминания Канторовича прервал стук в дверь. Вошел работник его мастерской, принимающий заказы:

– К вам некий господин. Он предъявил удостоверение подполковника ГУВД.

Натан Львович вздрогнул. По роду своей деятельности он, естественно, не питал симпатии к милиции.

– Зовите.

Бесцеремонно оттолкнув плечом работника мастерской, в кабинет вошел здоровяк лет сорока пяти. Его могучую шею пересекал косой шрам...

Глава двенадцатая Мудрый кап-три

Машина из комендатуры с нарядом караульных приехала в отделение лишь под вечер, когда на улице стало стремительно темнеть и в не освещенной электрическим светом камере сгустился полумрак.

Дверь открылась, и перед нами предстал вытянутый в струнку лейтенант с двумя солдатами, у каждого из которых на плече висел автомат Калашникова.

– Кто такие? Документы есть? – Офицер довольно долго вглядывался в наши лица, щуря глаза, а потом жестом предложил нам выйти в коридор, где под потолком горела лампочка без абажура.

Осмотрев наш штатский прикид, лейтенант обернулся к солдатам:

– Нет, вы это видели?! Служаки, мать их так!..

Нас погрузили в зеленый «бобик», в такую же конуру, как и в первый раз, и прыгнувший за «баранку» солдат покатил по вечернему городу в направлении центральной комендатуры Санкт-Петербурга.

Там нас опять отвели в камеру, где уже отдыхали два стройбатовца очень азиатского происхождения.

Железная дверь захлопнулась, и первое, что мы услышали, это заискивающе-вызывающий голос одного из арестантов:

– Эй, зема, курить есть? Не дашь курить – в морда получишь!..

– Дадим ребятам закурить? – Хаммер посмотрел мне в лицо и чуть заметно улыбнулся. Я все понял и с готовностью кивнул в ответ.

Хорошо, что на этот раз на наших запястьях уже не болтались наручники! Их аккуратно снял и нежно повесил на гвоздик товарищ старший сержант с бутербродом.

Вопреки опасениям, кап-три не стал пороть горячку, а предпочел сначала выслушать наши с Сергеем оправдания и уже потом принимать окончательное решение.

Мы довольно подробно рассказали, каким образом провели увольнение, не забыли упомянуть и сержанта из отделения милиции.

Кэп, как нам показалось, уже почти поверил, и мы тут же дожали его, предъявив вещественное доказательство в виде измятого автобусного билета с нацарапанным номером телефона неизвестной красавицы.

В отличие от Хаммера Рогожин сразу расшифровал закорючки, а потом тут же, в караульном помещении комендатуры, стал накручивать диск.

– Может, не нужно прямо так, с ходу? Товарищ командир... – несмело попросил Сергей, но кэп лишь хитро прищурился и покачал головой.

– Алло?.. Это Маша?.. Нет?! Ой, а куда я попал?.. Что вы говорите?.. Ах, это Ирина... Да! Конечно, Ирина!.. Что вы говорите?.. Нет, вам привет от двух ребят, которые сегодня, как бы это правильней сказать... помогли, да... Помните?.. Очень хорошо!.. Нет, меня там не было, я их друг, они просто попросили меня навести, так сказать, контакты... Да, спасибо, я тоже очень рад!.. Почему не могут сами?.. А они, знаете ли, Ира, сейчас на гауптвахте... Конечно, вы не знали!.. Не разочарованы?.. Отличные ребята, говорите? – Кэп посмотрел на нас с видом заговорщика. – Увидеться?.. Думаю, нет проблем, но только не раньше чем через трое суток. Когда закончится арест... Хорошо, я обязательно передам... Меня как звать? – Похоже, что очередной вопрос девушки застал Рогожина врасплох. – Николай меня зовут... Коля, да... Ну, всего вам хорошего, Ирина!.. Да, и вам так же, до свидания...

Командир положил трубку и усмехнулся, пригладив пальцами усы.

– Это же надо! Коля! А вам, засранцы, повезло. Если бы я обнаружил, что вы меня пытались надуть, то не миновать обоим увольнения под Новый год, вместе с боем часов. Собирайтесь, поехали! – Кап-три повернулся к удивленному дежурному по комендатуре: – лейтенант, давайте ваш журнал. Где я должен расписаться в получении груза?

Мы сели в «Жигули» командира и почувствовали, что под ногами снова появилась почва. На этот раз пронесло.

По дороге Рогожин сделал небольшой крюк, заехал в гости к родителям Павлова, где дал нам возможность переодеться в форму, а сам отвел на кухню отца Сереги и что-то настойчиво ему втирал. Тот со всем соглашался, говоря что-то про свою бурную молодость и сравнивая сына с самим собой.

Когда командир снова появился в коридоре, на его лице блуждала довольная улыбка.

– Еще раз узнаю, что находились в городе не по форме – загремите на декабрь, – в очередной раз предупредил он, и мы с Хаммером конечно же дружно закивали головами. А когда добрались до базы, сразу пошлив спортзал, качать мускулы...

Ночью мы в который уже раз за последние сутки обсуждали предстоящий подъем со дна Невы найденных сокровищ и представляли себе, как будем тратить свои миллионы.

В конце концов сошлись на том, что выкупим в частную собственность особнячок в два-три этажа и организуем в нем лучший в городе спортивно-оздоровительный центр, аналогов которому не было и, возможно, уже не будет никогда.

Мы оборудуем два превосходных атлетических зала с самым современным спортивным снаряжением – штангами, тренажерами, выделим просторное помещение под занятия аэробикой и шейпингом. Организуем сауну с бассейном для посетителей и романтический оазис для своих.

А чтобы тренирующиеся могли чувствовать себя полностью комфортно, возьмем на работу спортивного врача, массажистов, косметологов, парикмахеров и сделаем уютное и не слишком дорогое кафе. Сюда смогут приходиться в свободное от занятий время исключительно клиенты нашего оздоровительного центра.

Самых известных тренеров конечно же переманим к себе, предложив им гораздо более высокую зарплату и превосходные условия труда.

В результате всего перечисленного мы сможем получать от своего бизнеса не только моральное удовлетворение, но и о-о-очень приличный доход, чем обеспечим себе достойное существование.

Глава тринадцатая Расследование окончено

К счастью для Профессора, в районе почтового отделения, откуда было послано письмо к АLINE, Натанов оказалось зарегистрировано не так много. И, опять-таки к счастью, лох отправил маляву со своего местожительства.

Уже через три дня после «заявки» Профессора директор детективного агентства положил на его стол досье на Натана Львовича Канторовича.

Авторитет, просмотрев несколько фотографий фигуранта, понял, почему парень у петергофского фонтана показался ему знакомым. Характерные черты лица *Натана* – крючковатый нос, разрез глаз по восточному типу, мясистые губы, слегка вздернутый подбородок – претерпели не слишком значительные изменения.

А Натана Канторовича авторитет пару раз видел. Мастерская ювелира располагалась в «подшефной» авторитету зоне. Одна из бригад Профессора собирала с этого заведения дань.

Босс группировки взял за правило дважды в год проводить своего рода визуальную ревизию. Он инкогнито объезжал «подведомственные» объекты и на глазок пытался определить – соответствует ли выплачиваемый фирмами оброк истинному положению их дел. Если ему что-то не нравилось, предприятие подвергалось более фундаментальной проверке.

Будучи высокого мнения о своих физиогномических способностях, он с той же целью приглядывался и к руководителям подконтрольных организаций, стараясь при этом оставаться незамеченным.

Вот в такие рейды Канторович и попался Профессору на глаза. Впрочем, ничего особенного из этого поверхностного и одностороннего знакомства авторитет не извлек...

То, что таинственный *Натан* работает, как выяснилось, в «зоне ответственности» его группировки и, главное, является ювелиром, вдохновило Профессора. Этого пацана, подумал он, явно так и тянет к золоту!

Авторитет долго размышлял, как обставить операцию. В конце концов он решил действовать «официально», воспользовавшись ксивой сотрудника милиции. Документ был настоящий, выправлен знакомым генералом из питерского ГУВД. К тому же Профессор ни разу не применял корочки по назначению, и ему было неуютно, что башли за них, выходят, плачены зря.

В этом варианте предусматривалось и применение очень изящного, по мнению авторитета, приема. Все с тем же генералом он договорился, что, в случае необходимости, прокачает клиента на детекторе лжи, который находился в подчиненном этому ментовскому бугру подразделении.

– Подполковник Марков, городское управление внутренних дел, – представился Профессор и, резко выкинув руку, сунул под нос ювелира красную книжечку.

Тот отдернул голову, снял очки.

– Канторович Натан Львович. А вас как, простите, звать-величать?

Авторитет вдруг обнаружил, что не помнит, а точнее, не знает, что у него написано в ксиве, и после небольшого замешательства назвал своим собственным именем-отчеством.

– Прошу вас, садитесь, Александр Афанасьевич, – ювелир любезно пододвинул «милиционеру» стул.

Работник мастерской все еще находился в дверях, и Канторович движением головы выпроводил его.

– Чем обязан?

Авторитет был под следствием только раз в жизни и, будучи полным профаном в искусстве допроса, перешел к существу дела без всяких ментовских примочек.

– Вы находились во время блокады в Ленинграде?

– Да, – гордо ответил ювелир. – Все девятьсот дней. Работал на оборонном заводе. По броне, как специалист.

– Есть сведения... – Профессор сделал многозначительную паузу, – что вы занимались в то время не только оборонными делами...

Канторович, мгновенно уразумевший, о чем идет речь, был внутренне потрясен, что, однако, никак не отразилось ни на его лице, ни на речи.

– Я вас не вполне понимаю, Александр Афанасьевич. Если...

– Нами арестована гражданка Норкина Алина Серафимовна, – грубо перебил его авторитет. – Сделано это на основе многочисленных свидетельских показаний и документов. По словам же самой арестованной, вы, вступив с ней в интимную связь, склонили ее к фактическому мародерству. Образовав преступную группу, вы меняли добываемые путем воровства продукты питания на драгоценности умирающих от голода ленинградцев. Вы знаете, что вам теперь грозит за это?

Краткая, энергичная речь «подполковника», а, главное, конечно, известие об аресте Алины, давшей к тому же признательные показания, окончательно подорвали душевное равновесие Натана Львовича.

Тем не менее ответ ювелира прозвучал достаточно твердо:

– Здесь очевидное недоразумение. Если вы мне предъявляете обвинение, то дальнейшие процессуальные действия я прошу вас проводить в присутствии моего адвоката.

Все предварительные заготовки Профессора, вроде детектора лжи, вдруг показались ему теперь совершенно никчемной затеей. Неожиданно для самого себя и тем более для ювелира он рванулся с места, схватил Канторовича за волосы, выхватил откуда-то из-под пиджака чудовищных размеров нож, лезвие которого с большим эффектом выскочило из рукоятки, и приставил его к горлу Натана Львовича.

– Я замочил твою Алину и тебя, падло, замочу! – злобно прошипел налетчик, брызгая слюной в лицо несчастному ювелиру. – Где награбленное рыжье, цацки где?

– Хорошо, хорошо, я все скажу... Отпустите меня, прошу вас... – едва слышно произнес Канторович, до предела запуганный и ошеломленный внезапным превращением «мента» в бандита.

И он действительно рассказал все как есть. Хотел было в качестве косвенного доказательства своей искренности показать страшному посетителю и листок с описью блокадных ценностей; но что-то его удержало.

Авторитет, выслушав исповедь старого мародера, нахмурился. Похоже, тот говорил правду.

– А откуда бабки на открытие фирмы взял? – спросил Профессор скорее для проформы.

– Но ведь я пятьдесят пять лет как ювелир! В наследство кое-что получил... Да и вернуться-то как следует я не могу именно из-за недостатка капитала.

Профессор знал из досье, что все это так и есть, но решил довести расследование до конца.

– Закрывай свою лавочку и отпускай персонал, – распорядился он, – будем проводить досмотр.

Не видя больше смысла заниматься этим делом самому, авторитет вызвал спецов по шмону из своей группировки.

За два дня братки перетрясли мастерскую, квартиру и загородный дом Канторовича. «Клад» не нашли, но изъяли из сейфа десятка два золотых украшений и пять тысяч долларов, а также выгребли из-под камина на даче еще тридцать штук зеленых.

Рыжье, принадлежащее, как клятвенно уверял ювелир, его клиентам, босс рэкетиров вернул, поскольку совсем не хотел разорения подопечной фирмы.

– А бабки я забираю, – объявил Александр Афанасьевич. – Я сильно поистратился, добираясь до тебя, старого мудака.

Глава четырнадцатая Самоволка

Как кэп и обещал, через три дня с губы нас выпустили, но увольнительные он зажал. Меня, впрочем, это не слишком беспокоило: к чему суетиться, если до дембеля меньше месяца.

Не то – Хаммер. Он, вполне в духе безумного влюбленного из какого-нибудь индийского фильма, едва ли не каждые полчаса доставал из кармана заветную бумажку с телефонным номером и что-то бормотал про себя. Павлов всерьез страдал, что нас отчего-то не отпускают в город.

Не решаясь напрямую обратиться к кэпу, который в последние дни был в не слишком хорошем расположении духа, Серега подкатился к Дмитричу.

– Потерпи недельку, – сочувственно отозвался Батя. – Сейчас у капитана много хлопот: гарнизонная проверка на носу.

Но Павлов терпеть более не желал.

– Давай свалим ближе к вечеру в город. Ребята нас прикроют, – обратился он к своему лучшему другу, то есть ко мне.

Дело, конечно, обычное... Но до дембеля – три недели! Если залетим, прокантуемся в водолазах еще два месяца...

Однако, глядя в сумасшедшие глаза Хаммера, я понимал, что все разумные доводы тут бесполезны.

Конечно, можно было просто-напросто отказаться идти вместе с ним – дескать, валяй, парень, я же тебя не держу, но это выглядело не по-товарищески. В самоволку мы всегда ходили вдвоем. Лишь потом, в городе, частенько разбегались по разным адресам...

Благополучно миновав пост часового, – это обошлось нам в пачку «Примы», – мы углубились в город.

Павлов тут же созвонился со своей Ириной, я же решил навестить мою старую подругу Лиду, которая, сказать по совести, мне уже порядком поднадоела, но выбора не было.

С этой девушкой я познакомился почти два года назад на дискотеке. В тот же вечер в хорошо ей знакомом, как стало понятно, лесопарковом массиве на окраине Питера она показала мне все любовные фокусы, которые знала. А знала она немало, хотя бы потому, что была заметно старше меня – на шесть-семь лет.

С той поры я регулярно навещал Лиду в ее однокомнатной квартире, где она проживала в достаточно веселом одиночестве. Но делал это все реже и реже...

Сейчас настал удобный момент для естественного и необидного для девушки расставания – дембель на носу! И я подумал, хорошо бы провести вечер в том самом месте, где и зародились наши близкие отношения. То есть в знакомом лесопарке.

Еще издали я заметил Лиду по характерной походке. Она шествовала так, что одновременно двигались все выдающиеся части ее тела – причем каждая как бы самостоятельно, в своем собственном ритме.

Такая волнующая походка редко оставалась без внимания со стороны лиц противоположного пола. И хотя назвать сногшибательной красоткой Лиду я бы не решился, мужские взгляды ей вслед были обеспечены.

Мы быстро нашли скамейку – достаточно, надо сказать, просторную, – где провели первый совместный вечер.

Я сразу приступил к разогреву девушки, легкими пассажами поглаживая ее бедра, грудь и все остальное, не менее эрогенное.

Не оставалась в долгу и Лида, расстегнув мои брюки и запустив в них руку.

Прелюдия закончилась очень быстро. Девушка уже через каких-нибудь три минуты освободилась из моих рук и легла на скамейку, расставив ноги, слегка согнутые в коленях, на всю ширину деревянного ложа.

Такая кондовая, особенно по сравнению с нашими прежними упражнениями, поза невольно покорила меня, но я не стал привередничать. Тем более что уже полностью созрел для серьезных действий.

Окончательно скинув форменные брюки, я водрузился на свою партнершу и стал решительно, но в горячке довольно бестолково тыкаться в ее промежность. Тогда она уверенным, отработанным жестом направила меня в нужное русло, и процесс, как говорится, пошел.

Активно подрабатывая тазом, Лида, конечно, здорово помогала мне, но эта помощь имела и свою оборотную сторону. Я слишком быстро почувствовал приближение оргазма и не сумел сдержать его...

Лида тяжело вздохнула и, выбравшись из-под меня, села на лавочку, бросая в глубину лесопарка отсутствующие взгляды.

Я виновато посмотрел в опустошенные глаза обиженной женщины и вдруг увидел, что они наполняются неким смыслом, а потом вполне отчетливо прочитал в них испуг.

Я повернул голову по направлению ее взора.

Перед нами стояло трое молодых и хмурых парней совсем нехилого телосложения.

– Вот что, земля, – процедил наиболее плотный из них, жуя во рту спичку. – Мы тут понаблюдали вас в работе, и нам показалось, что твоя телка знает свое дело. Мы у тебя ее берем на полтора-два часа в аренду. В лизинг, как теперь говорят. А тебе, матросик, – «отбой». Видишь, уже спать пора. – Амбалистый паренек показал на наручные часы. – Надевай штаны и двигай на свою дырявую подводную лодку.

Несмотря на то что у нас с Лидой все было кончено, я не мог оставить о себе позорную память и решил защитить честь леди.

На занятиях в «Школе самозащиты» мы неоднократно «проходили» подобную ситуацию, и тренер все время повторял, что в таких случаях надо бить первым.

Когда парнишка показывал мне на свои часы, он слегка склонил голову, а когда поднял ее, то получил прямой правой в подбородок.

Я вообще-то целил в челюсть, но слегка смазал и почувствовал, что кожа на костяшках пальцев содралась, а кисть слегка онемела.

Но главное было достигнуто – «основной» обвалился на жухлую осеннюю траву.

Двое других тут же бросились на меня, размахивая руками и ногами на манер китайского ушу. Причем, видя, что нижняя часть моего тела не защищена даже одеждой, они пытались нанести удар в самое уязвимое и болезненное место. Но достать ребятам меня не удалось.

Я же был хоть и без штанов, но в ботинках. Поэтому мой нацеленный удар ногой в коленную чашечку тому пацану, который оказался в неосторожной близости от меня, получился достаточно чувствительным.

Парень взвыл и, не переставая оглашать лесопарковую зону душераздирающими воплями, начал кататься по земле, достаточно, между прочим, сырой и прохладной в это время года.

Третий нападавший был теперь обречен.

Последовал ложный выпад левой ногой и поставленный удар с правой руки в солнечное сплетение.

Мой оппонент поначалу вдвое согнулся, а потом тяжело опустился на неухоженный газон.

Стараясь побыстрее экипироваться и покинуть это негостеприимное место, я совсем забыл про амбала, поверженного первым.

Между тем, пока я натягивал дембельские брюки, этот поц, зайдя со спины, накинул удавку мне на шею.

И здесь последовал мой излюбленный прием из греко-римской борьбы. Не оборачиваясь, я обхватил обеими ладонями затылок агрессора и, согнувшись, с хорошей амплитудой перебросил его тело через свою голову.

На этот раз чересчур крутой пацан приложился к грунту более основательно. Он остался лежать совершенно недвижно и беззвучно. Скорее всего, оказался серьезно поврежден позвоночник.

Но я, однако, не стал вызывать «скорую». Вот такой я жестокий человек.

Хаммер был уже в кровати, но еще не спал. На его губах играла блаженная улыбка.

– Старик, все – после дембеля женюсь. Вернее, когда Ирке исполнится восемнадцать, – поправился он. – А ты как провел время? По роже вижу, что все путем. Ты еще не хотел со мной в город идти!

Часть третья Реализация

Глава пятнадцатая После дембеля

Как любят говорить в армии и на флоте, дембель неизбежен. И это – великая истина. Замечательный день освобождения от воинской повинности настал.

Выполнив все необходимые процедуры, тепло и весело попрощавшись с ребятами и отвесив персональный поклон Бате, мы с Хаммером покинули нашу спасательную партию.

Павлов, коренной питерец, двинул к себе домой – в Озерки. Я же направил стопы в родной Калининград. Тот, что когда-то был немецким Кенигсбергом.

После возвращения в лоно семьи я пару недель совершенно ничего не делал, наслаждался свободой. Потом еще месяц пытался определить, какой именно работой мне стоит заняться, учитывая мои склонности и пожелания, и в конце концов принял предложение тренера по бодибилдингу стать его помощником.

Если честно, то ничего сложного я не делал. Когда в зал приходили новички, показывал им, как правильно обращаться с тем или иным снарядом или тренажером, кое-кому составлял комплексы упражнений и десять часов в день проводил в клубе, с тщанием музейного хранителя поддерживая в идеальном состоянии спортивный инвентарь и следя за порядком.

Конечно, не забывал и сам качать «железо», готовясь к апрельским соревнованиям за звание чемпиона города.

Время сейчас работало на меня, и чем скорее наступит весна и закончится ледоход на Неве, тем быстрее мы с Хаммером сможем приступить к реализации своей мечты – организовать лучший на северо-западе России спортивно-оздоровительный комплекс.

Мы с Сергеем созванивались как минимум дважды в месяц, и, когда до соревнований оставалось не больше недели, Павлов сказал:

– Давай выигрывай чемпионат и приезжай. У меня есть для тебя сюрприз.

– Уж не хочешь ли ты мне сообщить, что свадьба прошла с огромным успехом, причем без моего присутствия?

– Конечно нет, – засмеялся Хаммер. – Не гадай, собирай манатки и дуй ко мне. Заодно покажешь медаль, которую тебе дадут на соревнованиях!.. И особо не напрягайся. Ты спокойно можешь выйти на подиум даже в телогрейке, и твои бицепсы все равно будут больше заметны, чем у других лопухих салапедов, которые вздумают с тобой соперничать.

Как выяснилось, Павлов был самым настоящим ясновидящим. Я выходил на подиум последним, и зал буквально зашелся в овациях, когда Глеб Микульчик напряг свой богатырский торс.

Заработав почти максимальные оценки судей, я стал чемпионом в полутяжелом весе. А потом, когда перед сидящими в зале зрителями предстали все пять победителей своих весовых категорий, одолел нашего атлета, даже выступавшего в составе сборной Союза на первенствах мира, Поляковского.

Я был несказанно счастлив! Мне вручили золотую медаль из покрытой напылением бронзы, огромную банку американского протеина и денежную премию, которую мы с ребятами из клуба спустили в один присест.

В Питер я отправился в прекрасном расположении духа и прямо на перроне Варшавского вокзала гордо продемонстрировал Хаммеру честно заработанное «золото».

– Не переживай, старик, что оно не настоящее, – хлопнул он меня по плечу. – Скоро ты сможешь отлить себе золотой кубок и поставить его рядом с кроватью, на туалетный столик. Кстати, поздоровайся с моей невестой! – Павлов отошел в сторону, и из-за его спины появилась Ира. В руках у нее был букет роз.

– С приездом и с победой, Глеб! – Она передала мне шуршащий сверток и чмокнула в щеку.

– Что касается меня, то я был категорически против цветов, – тут же вставил Серега, доставая сигарету. – Но... женщины! Ты же их знаешь, старик! Совсем не понимают, что встреча друзей – это не то же самое, что приезд подружки. Скажи, я прав?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Но цветы мне нравятся. Это второй букет в моей жизни. Как романтично!..

– Ладно, – буркнул Хаммер. – Пошли на метро. Романтик...

Когда мы вышли на «Горьковской», я позволил себе поинтересоваться, куда именно мы направляемся. Сергей заговорщицки улыбнулся и после демонстративной паузы сказал:

– На Большую Монетную. Мы теперь там живем.

– Он сильно преувеличивает, Глеб, – уточнила Ира, чуть улыбаясь. – Мистер Павлов, как всегда, очень хочет выдать желаемое за действительное. Мои сердобольные родители даже в дурном сне не смогли бы увидеть, что их дочка ушла из дома, еще не будучи законной женой. Сережа живет один в снятой им квартире, а я лишь время от времени его навещаю.

– Это уж точно! – вздохнул Хаммер. – Таких... м-м... как твои предки, еще поискать надо! Ну, ничего, уже недолго осталось. – Он посмотрел на меня и расплылся в довольной улыбке. – Глеб, ты еще не в курсе, но мы уже подали заявление. Через пять недель свадьба. Как тебе такая новость?

– Потрясающе, – совершенно серьезно ответил я. – Надеюсь, вакансия свидетеля еще свободна?

– Обижает, старик! – покачал головой Серега, открывая дверь подъезда. – Как договаривались.

– Тогда совсем другое дело. Кстати, я чертовски голоден. Что у нас сегодня на завтрак?..

Квартира, которую снял Павлов, оказалась весьма приличной меблированной «двушкой», с холодильником и телевизором, не считая всего прочего, экспроприированного Хаммером из родительского гнезда.

Я прошелся по комнатам и вдруг совершенно случайно заметил очень знакомый по годам службы в аварийно-спасательной партии предмет. Правда, пользовались мы им исключительно во время учений, но все-таки...

Прямо на полочке здоровенной секции из ясеня стояла, как когда-то декоративные фарфоровые слоники из Китая, самая настоящая противоводолазная граната ПДСС.

Я аж передернул бровями!

– Мистер, разрешите задать вам один нескромный вопрос, – я заглянул на кухню, где Серега с Ирой готовили завтрак. – Эта штукавина, на секции, она, я надеюсь, не...

– Ошибаешься, дружище, самая что ни на есть настоящая! – не без гордости кивнул Павлов. – Из запасов старика Дмитрича!

– Как сувенир?

– Именно! А что? Боишься, что взорвется?! – Сергей тихо рассмеялся. – Могу в таком случае напомнить, на суше она даже муху не контузит.

– Это я не хуже тебя знаю. Помню и то, что главстаршина Павлов не имел доступа на склад. Выходит, украл? – Я наигранно выпучил глаза.

– Ну, зачем же так грубо... Скажем – взял на память. И вообще, хватит задавать идиотские вопросы, садись лучше за стол!.. Нам надо здорово подкрепиться, сегодня предстоит

много работы, – как бы между прочим бросил Хаммер, передавая мне наложенную Ириной объемистую тарелку жареной картошки с треской.

– О чем ты говоришь? Какая еще работа?

– Ты забыл, старик! Нас ждут великие дела, но для начала мы заедем ко мне на службу.

Там уже все готово.

– Какие дела? На какую такую службу?

– В центральный яхт-клуб, на Елагином острове, недалеко от Кировского парка, – гордо сообщил Сергей. – Я там тружусь и несу ответственность за все имущество. В том числе и за акваланги. Ты как, не забыл еще матушку Неву? – На лице Павлова мелькнула усмешка.

– Прямо так, сразу?! А... – я кивком головы указал на стоящую к нам спиной Ирину.

– Она останется здесь. К тому же моя малышка, как мы и договаривались с тобой раньше, ничего не знает.

– Да-да, Глеб! – вдруг вступила в разговор Ирина. – Может быть, ты мне расскажешь, что у вас с Серегой за страшная тайна, которую мистер Павлов не хочет открыть даже своей будущей жене?..

Глава шестнадцатая **Надежней швейцарского банка**

Через час с небольшим я окончательно убедился, что мой друг времени даром не терял и подготовился на славу к предстоящим нам поискам затонувшего буксира. Два «мокрых» комбинезона, баллоны с кислородом, фонари, ласты, страховочный конец и даже катер – все это было в нашем распоряжении.

Не прошло и сорока минут, как я попал на территорию яхт-клуба, а мы, уже полностью экипированные, отчалили от пристани и взяли курс на фарватер, в районе устья.

Был ясный день. Свежий ветер гонял по зелено-коричневой поверхности воды невысокие волны, которые стремительно резал своим металлическим носом мощный двухмоторный катер.

Я молча курил сигарету и пытался восстановить в памяти тот летний вечер, когда «Фламинго» стоял на рейде возле застрявшего посередине Невы сухогруза...

Отыскать точное местонахождение буксира оказалось не так-то легко. Один из нас должен был постоянно находиться на катере. Другой – шаг за шагом исследовал песчаное дно реки на ближайшие десять – пятнадцать метров.

Потом мы снимались с якоря и выбирали другую точку стоянки. И все начиналось сначала...

Лишь на третий день, когда на смену мне в шестиметровую глубину окунулся Хаммер, нам удалось найти наполовину зарывшуюся в песок посудину, отдаленно напоминавшую утюг моей бабушки.

Серега вынырнул, схватившись одной рукой за борт катера, стянул с себя маску и сообщил:

– Все, нашелся, голубчик!.. Достань из моей сумки маячок.

– Что достать? – переспросил я, не понимая.

– Ах, да! Совсем забыл тебе сказать... Один мой приятель, радиотехник, специально по моему заказу сделал магнитный маяк. Я прикреплю его к буксиру, и в следующий раз нам будет легче отыскать нужное место. Поисковый прибор тоже в сумке.

Я действительно нашел в спортивной «адидаске» Сергея черную пластмассовую коробочку, где лежал тяжелый металлический квадратик, размером не больше спичечного коробка, с магнитом на одной из плоскостей, а также очень напоминающий пульт дистанционного управления видеотехникой поисковый прибор.

Отдал Павлову маячок. Через пару минут включив искатель, повернул его в сторону, где, по моим прикидкам, лежал буксир. Тихий, но очень хорошо различимый даже при порывистом ветре сигнал становился сильнее по мере того, как я направлял прибор в нужную точку.

Хаммер оказался гораздо предусмотрительней, чем я думал. Не особенно хитрый трюк с маячком значительно облегчит поиск нужного места погружения, если нам еще раз понадобится это сделать.

Минут через пятнадцать я почувствовал, как трижды сильно дернулся конец зажатой в моей руке веревки, и стал перебирать ее на манер рыбака, вытягивающего из воды очередную рыбину.

Спустя еще несколько минут Павлов вынырнул. Сначала перебросил в катер тяжелый капроновый садок с драгоценностями, а потом, подтянувшись на руках, залез сам и развязал узел, стягивающий мелкочаеистый мешок.

И я увидел добрые пять килограммов золотых и серебряных изделий, блеснувших на ярком полуденном солнце всем своим великолепием. Впервые за последние пятьдесят лет они были подняты из воды и, казалось, рады этому событию ничуть не меньше, чем я и Хаммер.

– Вот так, старик! – звонко засмеялся Серега, запуская пальцы в россыпь ювелирных украшений и предметов церковного культа. – Весь мир в кармане!.. Прямо как у Чейза. С той лишь разницей, что мы ничего ни у кого не похищали и нас никто не ищет!

– Наконец-то, твою мать! – не выдержал я, разглядывая поистине великолепное произведение ювелирного искусства – статуэтку то ли князя, то ли графа, размером не больше игрушечного пупсика из пластмассы, выполненную из золота и серебра с вкраплением разноцветных камней.

Казалось, я держу в своих руках одно из величайших творений, место которому исключительно в Эрмитаже. Впрочем, вполне вероятно, так оно и было. Я отчетливо сознавал, что эта фигурка, весящая не больше двухсот граммов, может иметь цену, состоящую из многих нолей.

– Слушай, ты точно уверен, что нам не стоит поднять все сразу? – На секунду отвлечшись от созерцания «князя», я посмотрел на Павлова.

– Абсолютно, – категорически махнул рукой Сергей. – Здесь же огромные ценности, понимаешь? И самый лучший сейф для них – это дно Невы, в только нам одним известном месте. Здесь они в полной безопасности. Надежнее, чем в швейцарском банке. Сначала реализуем первую половину, подождем какое-то время, а потом достанем остальное... Эдик, мой приятель, утверждает, что батарейки в маячке хватит на пять-шесть месяцев непрерывной работы, прежде чем он перестанет подавать сигналы. – Немного помявшись, Хаммер добавил: – Конечно, если ты не против...

– Пусть будет по-твоему. – Я тронул друга за локоть. – Возможно, так действительно спокойней.

Оба двигателя катера громко взревели, мы развернулись носовой частью в сторону ЦПКиО и взяли курс на яхт-клуб.

Оставили катер возле пристани. Переоделись в нормальную сухую одежду, стянув с себя комбинезоны – с баллонами и ластами мы расстались еще на воде. Потом, упаковав поднятое со дна богатство в спортивную сумку Сергея, мы поймали первое попавшееся такси и поехали обратно на Большую Монетную.

Нам еще оставалось решить не менее сложный вопрос, чем подъем драгоценностей из Невы. Надо было превратить их в живые, наличные деньги.

Учитывая количество находящегося у нас на руках товара, задача казалась чрезвычайно сложной. Ведь мы не хотели получить по пуле в затылок или совершенно случайно погибнуть в автомобильной катастрофе.

Слишком много имелось желающих в этом замечательном городе быстро разбогатеть, пускай даже ценой парочки человеческих жизней.

Глава семнадцатая Инвентаризация

Мы вернулись в снимаемую Хаммером квартиру и, как ни в чем не бывало, спокойно дождались вечера, когда Ирина сообщила, что ей уже пора домой. Ее дорогая мамочка, видите ли, пригласила сегодня на ужин какую-то свою давнюю знакомую и в категорической форме настаивала, чтобы дочь присутствовала на грядущем мероприятии.

– Какая жалость, что ты так рано уходишь, – почти искренне огорчился мой приятель, когда Ира уже застегивала молнию на своей кожаной куртке. – Может, ну его к лешему, этот дурацкий ужин?

Ира хитро улыбнулась и нежно поцеловала Серегу в губы.

– Только не говори мне, что с Глебом, с которым вы не виделись семь месяцев, тебе будет скучно, – девушка прикрыла ладошкой рот Павлова. – Я позвоню тебе завтра, часов в пять, как только вернусь с работы. Договорились?

– Можно подумать, у меня есть выбор, – буркнул Хаммер, щелкая дверным замком. – Пока, любовь моя! Смотри, веди себя так, как подобает невесте и потенциальной супруге!

– Обязательно. – Ирина обернулась, стоя на пороге, послала мне воздушный поцелуй, а потом быстро сбежала по лестнице, громко стуча каблучками по бетонным ступенькам.

Серега прикрыл дверь, прислонился к ней спиной и глубоко вздохнул:

– Наконец-то! Теперь можно приступить к делу.

Он сбегал в туалет, достал из сливного бачка пакет с драгоценностями и рассыпал его содержимое прямо на ковре в гостиной.

Мы опустили на пол и принялись скрупулезно сортировать добытое богатство, откладывая в отдельные кучки изделия из серебра, золота, а также те, в которых имелись драгоценные камни.

Когда работа была окончена, я предложил сохранить одну из вещей на память, а не обращать ее в деньги. Хаммер согласился и даже высказал мнение, что было бы кощунством поступить иначе.

Отбор не занял много времени – слишком уж выделялась на общем фоне фигурка «князя», несомненно представляющая большую, чем все другие изделия, ценность.

Мы бережно протерли ее фланелевой тряпочкой и спрятали в футляре из-под видеокассеты, так и не придя к единому мнению, где и как, а главное – у кого она будет храниться. Остановились на том, что окончательное решение придет само собой.

Потом мы упаковали золото, серебро и изделия с камнями в три отдельных мешочка. Хаммер спрятал их за газовой плитой на кухне, и мы принялись обсуждать предстоящий процесс реализации драгоценностей.

Нести их в государственную скупку выглядело совершенной глупостью.

Во-первых, там нельзя, без риска привлечь к себе пристальное внимание «компетентных» органов, сбить большое количество вещей, а во-вторых, в скупке ни за что не дадут за изделия их реальную цену.

На лом имело смысл отдать лишь малую часть, получив за это деньги на текущие расходы.

Мы отобрали несколько колец из золота и серебра, полтора десятка цепочек и несколько крестов специально для продажи в скупку, в которую планировали заглянуть уже завтра. А потом Серега предложил пройтись по ювелирным мастерским, чьи адреса мы узнали из телефонной книги, и попробовать поговорить с ювелирами. На сегодняшний день это, пожалуй, был для нас самый приемлемый вариант.

После того как закончилось обсуждение, Хаммер достал из холодильника запотевшую бутылку коньяка «Белый аист», сухую финскую колбасу, сыр, нарезанный дольками лимон, из бара извлек плитку шоколада и стопочки. Поставил в видик кассету с клипами, включил вместо яркого света находящийся в углу гостиной торшер.

Открутив жестяную пробку на бутылке и разлив по пятнадцать граммов, мы принялись праздновать три знаменательных события сразу – мою чемпионскую медаль, мой приезд в Питер, а также удачный подъем с глубины затонувших вместе с буксиром драгоценностей. Последнее, несомненно, было главенствующим, так как определяло нашу дальнейшую судьбу на ближайшие годы.

Когда бутылка опустела наполовину, Хаммер вдруг вспомнил, что у него, оказывается, есть красавица невеста, и следующий тост подняли за нее. Потом выпили за что-то тоже чрезвычайно важное, а затем Павлов побежал в магазин за второй бутылкой...

Утром, попивая на кухне крепкий чай и прикладывая к головам мокрые полотенца, мы вспомнили, что не надирались до такой степени уже три года. Тогда нас, лысых «карасей», накачали водкой увольняющиеся в запас «годки».

Мы решили не допускать никаких пьянок до тех пор, пока не настанет насущная необходимость отметить открытие нашего замечательного спортивно-оздоровительного центра бокалом настоящего французского шампанского.

Не без труда проглотив завтрак из трех яиц и нескольких кусочков жареного хлеба, мы взяли свои паспорта и отправились в скупку за получением «карманных».

Глава восемнадцатая Хаммер знает, куда идти

Даже несмотря на то, что приготовленное к сдаче золото и серебро мы с Сергеем поделили примерно поровну и сдавали, естественно, тоже в два приема, – сказать, что на нас смотрели криво, это значит не сказать ничего.

Приемщица с подозрительностью следователя сличала наши паспорта с нависшими над окошком лицами, долго изучала сами драгоценности, но в конце концов деньги все-таки перекочевали в наши с Хаммером карманы.

Мы вышли из скупки, поймали такси. Павлов достал из кармана список ювелирных мастерских севера и северо-запада города, и «Волга» рванула по отмеченному Хаммером адресу.

– Кто пойдет первым? – спросил Серега.

– Давай сразу вместе. Оставим мотористу залог, пусть ждет. Золото – штука серьезная, к нему надо аккуратно относиться. Ювелир может оказаться хлипким, нервным, начнет паниковать. – Я слегка толкнул Хаммера в бок, кивком головы показывая на лихорадочно бегающий взгляд таксиста, отраженный зеркалом заднего вида. Мужик явно испугался, думая, что везет налетчиков, собирающихся грабить какого-то ювелира.

Павлову идея понравилась, и он принялся раскручивать ее дальше, нагоняя на труженика баранки липкий страх.

– Только бы у него под рукой не оказалось кнопки вызова мусоров. А то повяжут нас еще тепленькими, и в СИЗО... – прохрипел Серега. – Как только заметишь подозрительные

шевеления со стороны ювелира, сразу бей его по башке, чтобы вырубился. Хату мы с тобой сами обшмонаем. Никуда рыжье от нас не денется, возьмем по чистой!..

– А моторист? – загробным голосом вставил я и тут же отметил, как окаменела на переднем сиденье фигурка щупленького лысоватого мужичка. – Не заложит? Может его... того... Чтобы не сболтнул лишнего?

– Он все равно ничего не знает, ни кто мы такие, ни куда направляемся, – скрипнул Хаммер. – Хотя, может, ты и прав. Лишние хвосты, которые могут дать зацепку ментам, нам ни к чему, – и Серега широким жестом, специально, чтобы таксист его заметил в зеркало, полез во внутренний карман куртки.

Нервы мужика не выдержали, он нажал на тормоз, и «Волга», дернувшись и уркнув заглохшим двигателем, остановилась возле тротуара.

– Эй, парни... Я... это... никому ничего говорить не собираюсь... Честное слово!.. Хотите, отвезу куда нужно за бесплатно?! Только...

– Страшно? – голосом зомби поинтересовался Павлов. Серега явно переигрывал, но мужичонка был слишком напуган, чтобы обращать внимание на детали. Он часто закивал, с трудом сглатывая слюну.

– Страшно. Конечно, страшно... У меня дома двое детишек...

После таких слов у меня пропало всякое желание продолжать спонтанно разыгранную шутку, я недвусмысленно посмотрел на Хаммера и, открыв правую заднюю дверцу, вышел из машины.

Серега достал крупную купюру, протянул ее таксисту, хлопнул того по плечу и молча проследовал вслед за мной, на свежий воздух.

«Волга» моментально сорвалась с места, свернула за угол, игнорируя красный свет светофора, и пропала из виду.

Я достал сигарету и закурил.

– Ну и засранцы мы с тобой, Павлов, так напугать бедного отца семейства! – наполовину в шутку, наполовину всерьез выдал я вместе с клубами сигаретного дыма. – Не стыдно?

– Разве что самую малость, – ответил Хаммер и улыбнулся: – Я компенсировал материально.

– И где твоя гребаная мастерская? – Я сдул с конца сигареты столбик пепла. – Далеко?

– Да нет, пару кварталов отсюда. Пошли, прогуляемся. – И мы не спеша направились вперед по Каменноостровскому проспекту. – Вполне возможно, что гулять по другим адресам нам не придется, – сказал Сергей. – Есть у меня информация, что ювелир в этой мастерской не брезгает скупать золотишко у карманников и квартирных воров.

– Откуда? Бабушка во дворе сказала? – усмехнулся я, поглядывая на часы.

– Нет, – серьезно ответил Хаммер. – У нас в классе был один парень, Толик-Шрам, который сейчас как раз такими делами занимается. Не так давно я зашел в бар выпить кружку пива, а там сидел он, вдребодан пьяный. Болтал всякую ерунду, а потом вдруг достает и кладет на стол целую кучу измятых денег и говорит, что вчера вставил одну хату, взял много украшений и сдал их, догадываешься, куда и кому?..

– Даже если тот ювелир берет у уголовников, которых знает в лицо, это еще не значит, что он захочет разговаривать с незнакомыми людьми. А вдруг они из Большого дома на Литейном?

– Какой Литейный, посмотри на наши рожи! – засмеялся Хаммер. – Когда я вечером иду по улице, женщины переходят на другую сторону, боятся! Кстати, вот и каморка папы Карло, заходим?..

Сергей потянул на себя хромированную ручку тяжелой стальной двери, над которой висела светящаяся даже днем рекламная табличка:

Ювелирная мастерская АГАТ

Ремонт и изготовление на заказ всех видов украшений

Глава девятнадцатая Мастерская «АГАТ»

Мастерская выглядела так, как и положено выглядеть маленькой каморке старого еврея-ювелира.

Стершийся линолеум на полу, невзрачные обои на стенах, дешевая копия картины Айвазовского «Девятый вал» на одной из них, высокая деревянная стойка, какая-то засиженная мухами инструкция под оргстеклом на самом видном месте. И конечно же сам ювелир – маленький толстый человечек с тронутыми сединой черными кудрявыми волосами, мясистым носом с горбинкой и жирными губами. На вид ему около шестидесяти, взгляд хитрый, оценивающий.

Едва мы вошли, он оторвался от газеты, посмотрел на нас очень внимательно, видимо для себя определяя цель визита очередного клиента, а потом вежливо спросил:

– Что хотят господа? Заказать перстенок или же цепочку?

– Нет, мы по другому делу, – покачал головой Хаммер, ответив на улыбку старика злодейским оскалом. – Нам нужно поговорить с хозяином.

Ювелир снял очки, пару секунд смотрел на нас с неприкрытой неприязнью, а потом, уткнувшись в газету, буркнул:

– У нас уже есть «крыша». Вам дать номер телефона?

– Вы нас не так поняли, – попытался я исправить ситуацию. – Мы вовсе не рэкетеры. Хотим предложить вам кое-что из металла и камней...

– Вот как?! – Ювелир тут же оставил газету. Сквозь толстые стекла очков сверкнул огонек неподдельного интереса. – Но мы такими делами не занимаемся, молодые люди, – добавил он очень осторожно. – Существует официальная скупка, где...

– Там берут исключительно на вес, а мы хотим предложить изделия. Многие из них старые, если не сказать старинные, – сказал Павлов, интригуяюще понизив голос. – И вот еще что... Мы не из милиции, и безделушки эти, даю гарантию, совершенно чистые. Бабушкино наследство. Теперь понимаете, зачем нам хозяин?.. Впрочем, – он полуобернулся, словно готовясь уйти, – мы можем предложить и в другом месте.

– Подождите, – махнул рукой толстяк. – У вас есть что-нибудь на просмотр?

– Конечно, – и я протянул ювелиру такую же монету, какая болталась у меня на груди в виде кулона.

Кудрявый бережно взял ее в руки, зажал глазом увеличитель и затих. Примерно минуту он тщательно разглядывал золотую марку выпуска тысяча восемьсот семидесятого года, а потом отложил ее в сторону и почти шепотом спросил:

– И... сколько у вас таких монет?

– Сколько-то, – холодно ответил Сергей. – Кроме них, есть еще очень много интересного. Серебро в хрустале, например, камушки.

Ювелир какое-то время молча думал, отчего на его лбу проступили глубокие морщины, а потом коротко кинул: «Подождите здесь», а сам вышел через дверь за стойкой куда-то в дальние помещения мастерской.

– Ключнул, – вздохнул Хаммер и посмотрел на меня довольным взглядом. – Сейчас приведет настоящего спеца.

И действительно, через пару минут ювелир вернулся, но уже не один, а с еще более пожилым, лет семидесяти пяти, мужчиной в смешных широченных брюках и теплой фланелевой рубашке.

Старшой окинул нас пристальным взором, взял в руки монету, линзу и стал разглядывать ее с видом эксперта международного уровня. Ему понадобилось гораздо меньше времени, чтобы сделать свою оценку. Он вернул монету Сергею и спросил:

– Откуда она у вас, молодые люди? Это очень ценная вещица...

– Мы продаем ее, – не вдаваясь в подробности, сообщил я. – Так же как два десятка ее сестер-близняшек.

– И еще кое-что, – поддержал меня Хаммер, хитро улыбнувшись. – Вас интересует?

– Думаю, мы можем пройти ко мне в кабинет, молодые люди. – «Эксперт» приподнял перегородку над стойкой и, отойдя чуть в сторону, жестом предложил нам пройти внутрь.

Глава двадцатая

Торг

Следуя за стариком, я и Павлов прошли по небольшому коридору и очутились в маленькой комнате, в которой стояли двухтумбовый письменный стол, телефон, черно-белый микротелевизор «Шилялис», пальма в деревянной кадучке и четыре стула.

Ювелир сел за стол, положил подбородок в ладони, некоторое время молчал, а потом очень тихо спросил, поочередно переглядываясь со мной и Сергеем:

– Вы, надеюсь, не из милиции?

– А что, неужели мы похожи на ментов? – удивленно поднял брови Павлов.

Я тоже постарался изобразить на лице крайнюю степень изумления.

Видимо, сцена получилась что надо, так как напряжение на сухом, словно пергамент, лице ювелира моментально исчезло. В только что настороженных глазах появился блеск, сжатые до белизны в суставах пальцы расслабились, старик едва слышно вздохнул и произнес:

– Для начала, если не возражаете, несколько вопросов... – Ювелир чисто машинально переложил с края на край широкого стола какие-то бумаги, а потом начал: – Вам кто-то давал мой адрес? Я имею в виду – кто-то посоветовал ко мне обратиться?

– Нет, мы совершенно случайно зашли именно к вам, – Хаммер достал из кармана список мастерских и показал его старику. – Мы собирались пройтись по всем, узнать обстановку. Как видите, ваш «Агат» обозначен первым. По алфавиту.

– И очень хорошо, что не пошли «по всем», – кивнул ювелир. – Иначе к вечеру уже сидели бы в кабинете милиции и давали показания, каким образом к вам попали золотые побрякушки.

– Вряд ли, – не согласился я. – Все, что мы имеем, – совершенно чистые, как вы выразились, побрякушки. А раз нет заявления о пропаже, то ни один мент не сможет забрать то, что нам принадлежит по праву.

– Вы плохо знаете нашу милицию, молодые люди, – бросил спец. – Ну, да ладно... Перейдем к делу. Соломон мне сказал, что у вас есть целая коллекция, которую вы хотите реализовать. Я могу поспособствовать, свести с нужными людьми. Сами понимаете, мне такие ценности уже ни к чему, да и откуда у старика взяться таким большим деньгам?.. – Ювелир не слишком натурально закатил глаза. – Если вас устраивает такой вариант, то я хотел бы за услугу пятнадцать процентов комиссионных от всех денег, которые вы получите за сбыт золота и прочего товара. Согласны?

– Вы просите слишком много, – категорически покачал головой Сергей. – Максимум, сколько я согласен дать, – пять процентов.

– Да это грабеж! – воскликнул старичок звонким голосом. – Где вы еще отыщете покупателей на большую партию, без риска потерять и деньги, и товар? Двенадцать процентов, и ни рубля меньше, моя последняя цена.

– Восемь, и можете считать, что на этом торг закончен, – жестко парировал Павлов. – Если отказываетесь, мы сразу встаем и уходим.

– Десять, – неуверенно кинул пробный камень ювелир, но, наткнувшись на ледяной взгляд Хаммера, сразу капитулировал. – Ладно, пусть будет по-вашему, хотя всем нам ясно, насколько я продешевил. У вас есть еще что-нибудь посмотреть?

– Найдется.

Я достал небольшой мешочек и высыпал перед стариком несколько, на наш взгляд наименее ценных, серебряных и золотых украшений.

Ювелир пристально осмотрел каждую вещь, что-то еле слышно бурча себе под нос, а потом сообщил:

– Пожалуй, я могу взять у вас эти железяки прямо сейчас. Какая ваша цена, молодые люди?

Конечно, и я, и Павлов были в ювелирном деле такими же специалистами, как сидящий перед нами старый еврей – чемпионом мира по бодибилдингу. Поэтому я сразу же назвал совершенно дикую цифру, от которой дедушка моментально потерял дар речи. Он, как выброшенная на каменистый берег рыба, судорожно хватал губами воздух, а его стянутое сухой кожей лицо постепенно наливалось краской.

Наконец ювелир смог вздохнуть и произнес:

– Даже если эти несчастные штучки из самого Эрмитажа, они все равно не стоят и половины требуемой вами суммы!.. Неслыханно!

– Ваша цена? – Хаммер легонько хлопнул ладонью по крышке стола, от чего старик вздрогнул и посмотрел на моего приятеля испуганными зелеными глазами. – Вы же специалист, вот и назовите реальную сумму, включая, естественно, и ваш интерес.

Напоминание об «интересе» ювелиру явно понравилось. Он сразу подобрел, опять положил худой подбородок на ладони, оперевшись локтями о стол, и, напустив на себя важный вид, протяжно сообщил сумму, которую готов выложить немедленно.

– Прибавьте к ней десять процентов и можете забирать товар, – в свою очередь конкретизировал Сергей и, не спрашивая разрешения хозяина, достал из кармана сигареты и закурил.

А я про себя отметил, что совершенно произвольно мы с Павловым стали значительно больше увлекаться табаком с тех пор, как впервые обнаружили на дне Невы потопленный во время войны буксир. Да и вчерашняя пьянка – все это исключительно от нервного напряжения, которое вроде бы не слишком навязчиво, но не покидало ни его, ни меня на протяжении уже семи месяцев.

– С вами очень трудно торговаться, – усмехнулся ювелир, глядя на Сергея. – Но, так уж и быть, с учетом вашей будущей сделки и моих комиссионных... согласен!

Старик повернулся на стуле на сто восемьдесят градусов, достал из массивного сейфа две пачки деревянных, прибавил к ним еще несколько купюр и, положив их на стол, ловким жестом сгреб в выдвижной ящик драгоценности. Подождал, пока Павлов не спрячет деньги, а потом, как бы нехотя, сказал:

– А монетка, которую вы показывали вначале, надеюсь, тоже продается?

– Конечно, – с готовностью кивнул Хаммер. – Увеличьте только что выплаченные деньги на сто процентов...

– Да вы, молодой человек, просто гангстер! – перебил ювелир. – Нельзя же так!.. Даю за нее две тысячи долларов и ни копейки больше! И то – ради нашего дальнейшего сотрудничества!..

Спустя минуту наш капитал значительно вырос, а остальные деньги пришлось брать мне, так как Серега и без этого походил на ходячий банк.

– Вот мой номер телефона, – взмокший от напряжения ювелир что-то быстро чиркнул на листке бумаги и протянул мне. – Позвоните через два дня, я встречу с людьми, поговорю, и, скорее всего, мы решим вашу проблему. Всего хорошего...

Сергей загасил в стоящем на столе блюдце сигарету, мы по очереди пожали сухую и жилистую руку старика, попрощались и вышли из кабинета.

– Ну, как дела? – поинтересовался лениво читающий газету Соломон, когда мы появились в дверном проеме. – Решили вопрос, ребята?

– Да, вроде того, – пожал я плечами. – Мы еще заглянем к вам на днях. До свидания.

Когда прохладный ветер наконец коснулся моего лица, я почувствовал себя так, словно разгрузил вагон угля.

Глава двадцать первая **Первые дивиденды**

Впервые в жизни держа в руках такие деньги, мы с Сергеем просто ошалели от свалившегося на нас счастья, особенно если вспомнить, что в самое ближайшее время наш капитал мог увеличиться в энное число раз.

Походы по магазинам с утра до вечера – вот каким было наше основное занятие. В течение сорока восьми часов Хаммер умудрился приобрести столько всяких вещей, что голова шла кругом.

В снятой им квартире на Большой Монетной появился телевизор «Сони» с экраном семьдесят два сантиметра, что для девяносто третьего года считалось крутостью просто неимоверной.

Все трое – я, Павлов и его красавица Ирочка – полностью сменили гардероб, включая даже шнурки на ботинках.

Невеста моего приятеля сверкала, как один сплошной бриллиант. Впрочем, и на нас с Хаммером теперь обращали внимание не только из-за широких плеч и квадратных подбородков – мы меньше всего походили на уволившихся с государственной службы только полгода назад дембелей. Скорее – на скороспелых мафиозных дельцов.

Что касается машины, то ее Павлов собирался купить сразу же, как только завершится грандиозная сделка при посредничестве старика из мастерской «Агат». Мы планировали начать организацию серьезного бизнеса, а какие же бизнесмены без машины? На данный момент последняя модель «Жигулей» казалась нам самым престижным и доступным видом четырехколесной роскоши.

Правда, теперь, на заре «либеральных реформ», уже сверкали своими перламутровыми и прочими моментально бросающимися в глаза боками иномарки. Среди них даже попадались так обожаемые Хаммером серебристые «мерседесы».

Но мы и подумать не смели о приобретении по совершенно космической цене такого средства передвижения. Самое меньшее, что могло нас ждать на следующий же день после покупки иностранного «тазика», – его отсутствие на том месте, где он был оставлен. В худшем случае одного из нас спустя несколько месяцев нашли бы в загородном карьере.

Поэтому, как Серега ни переживал из-за «чудовищной несправедливости», выбор был остановлен на отечественной «девятке». Правда, Павлов пообещал вернуть ее всеми мыслимыми и немыслимыми прибабасами и причиндалами.

Мне же не было смысла обзаводиться персональными колесами, так как я все еще жил на квартире у друга, да и передвигались мы во всех направлениях исключительно вместе. Поэтому я ограничил свои покупки одеждой, швейцарскими часами, фотоаппаратом «Нэк» и отправил по почте посылку с подарками домой.

Оставшиеся деньги сложил в коробку из-под электробритвы и стал совершенно серьезно подумывать, куда я буду класть те несколько пухлых пачек, которые в самом скором времени перейдут в мою собственность.

Мы позвонили в мастерскую, и старик сообщил, что завтра в половине двенадцатого нас будут ждать «заинтересованные предложением» люди.

Хаммер пребывал в прекрасном расположении духа, постоянно шутил, и с его мужественного лица ни на секунду не слезала благодущная улыбка.

– Еще немного, еще чуть-чуть, последний бой – он трудный самый! – напевал он себе под нос.

Вечером, накануне посещения «Агата», мы втроем забурили в ресторан гостиницы «Прибалтийская». Ели лангусты в белом вине, блины с икрой, пили медовый сбитень и сок гуавы и чувствовали себя никак не меньше чем послами иностранной державы на приеме у императора Петра Алексеевича.

Глава двадцать вторая Гешефт

Подъезжая к мастерской, мы еще издали заметили припаркованные возле входных дверей две черные «Волги».

– На машинах очень интересные номера... – заметил я как бы между прочим.

– Вижу, – кивнул Хаммер. – Это машины из автобазы мэрии.

– А это значит... – Я пристально посмотрел на Сергея.

– Только то, что именно у таких людей могут водиться необходимые для покупки большой партии товара деньги. И только они, проворачивая подобные делишки, могут чувствовать себя совершенно безнаказанными, даже не стесняются служебных автомобилей!

– Возможно, ты прав, – бросил я, когда нанятый нами частник остановился в десяти метрах от входа в «Агат». – Но вполне возможно, что и нет. Тогда мы с тобой влипли по самые гланды, старик.

– Бог не выдаст, свинья не съест, – отозвался Павлов, протягивая водителю деньги и выпрыгивая из видавшего еще первую мировую «Москвича».

Спустя минуту мы уже нырнули в мастерскую, где нас опять встретил дядюшка Соломон, при взгляде на двух молодых людей в модном прикиде растянувший свои пухлые бескровные губы в тонкую линию.

– А-а, ребята! Вы прямо как банкиры, приятно смотреть! – захопотал ювелир и жестом указал на уже знакомую нам дверь. – Проходите, вас ждут, – и он сразу уткнулся в неизменную газету.

Я прошел вслед за Хаммером во внутренние помещения и остановился за его спиной возле кабинета владельца мастерской.

Доносившиеся из-за двери голоса тотчас смолкли, были слышны лишь бормочущее что-то себе под нос радио и приглушенный шум автомобильного потока на Каменноостровском проспекте.

– Пошли? – практически одними губами шевельнул Сергей и толкнул выкрашенную белой краской дверь.

В полумрак коридора ворвался сквозь дверной проем поток яркого дневного света.

Мы зашли в кабинет и остановились, внимательно разглядывая присутствующих.

Они в свою очередь не сводили с нас глаз. Их было четверо, если не считать старика ювелира, с очевидной, но непонятной для нас нервозностью ерзающего на обтянутом кожей старом дубовом стуле.

– Добрый день, молодые люди! – нарочито любезно поздоровался хозяин мастерской. – Проходите, присаживайтесь.

Я опустил на жесткий деревянный стул и стал разглядывать приехавших в двух мэрских «Волгах» покупателей. Примерно тем же самым занимался и Павлов, старательно и неторопливо раскуривая сигарету.

Двое ближних – безусловно охранники, внешне очень напоминающие нас с Хаммером, только чуть коренастее. Судя по носам – или бывшие боксеры, или представители какого-либо вида восточных единоборств, подрабатывающие шкафами у богатых папиков.

В руке одного из них – черный пластиковый кейс с шифрованными замками. Внутри, надо полагать, деньги.

Оба, в отличие от сидящих на стульях хозяев, стоят по стойке «смирно» и буквально испепеляют нас глазами. Напугать, что ли, хотят, глупенькие?

Один из покупателей, что сидел поближе к дверям, – очень походил на французского актера Жана Маре. Одет дорого, со вкусом, на одном из пальцев левой руки массивный золотой перстень с зеленым сердоликом.

Этот явно не имеет к мэрии никакого отношения. Слишком крутым, по сравнению с номенклатурными боссами, выглядит данный господин. К тому же шрам на шее... Не свидетельствует ли это борьбы за выживание в одной из многочисленных зон где-нибудь в Архангельской области? Все возможно. Взгляд цепкий, настороженный, но явно дающий понять, что обладатель этого взгляда не привык, чтобы тон в игре задавал кто-то другой. Скорее всего, он и есть главный среди двух папиков.

Второй, расположившийся чуть поодаль, – типичный управленец. Надменное лицо, толстые лоснящиеся щеки и выражение такое, словно сейчас встанет и ленивым голосом произнесет, подавляя зевоту: «Сегодня я занят, гражданин. Запишитесь на прием у моего секретаря, на конец следующей недели».

Этот только и умеет, что отдавать приказания и рапортовать об успехах строительства социализма.

Знакомая картина – зажавшийся чиновник и криминальный авторитет. Один тупой, но богатый, а другой умный, ориентирующийся в обстановке и желающий снять правильный гешефт с покупателя. И кстати, богатый ничуть не меньше.

Я взял сигарету и присоединился к создающему дымовую завесу Хаммеру, не сводя глаз с сидящих напротив мужчин.

Наконец тот, что был со шрамом на шее, заговорил. Голос его подходил к внешности как нельзя лучше – глубокий, властный, не слишком громкий, как у серьезного и знающего цену каждому произнесенному слову человека.

– Нам сообщили, что у вас есть что продать. А мы хотим это у вас купить. Если вы не против, можем начинать. Ювелир будет давать реальную цену каждой вещи, мы платим вам семьдесят пять процентов от ее стоимости. Потом переходим к следующей.

– Не слишком ли большой процент сброса? – спокойно спросил Сергей, глядя говорящему прямо в глаза.

– Не маленький, верно, – кивнул собеседник. – Но мы берем все, что у вас есть. Килограмм, десять, сто... Сколько есть, столько и возьмем. А за опт, как известно, можно скинуть даже половину. Но мы не жадные, поэтому ограничимся двадцатью пятью процентами.

– Как думаешь, согласишься? – Павлов повернулся ко мне. – Или скинем в другом месте?

Он явно ломал комедию, так как нам предложили гораздо большую цену, чем мы могли рассчитывать, и думать было совершенно не о чем. Я просто не мог отвести глаз от дипломата с деньгами. Но и публично демонстрировать радость тоже не имело смысла.

Аккуратно стряхнув пепел в пепельницу в виде черепа и секунду «подумав», сказал:

– Цена приемлемая, вопросов нет. Поехали, – и смяв сигарету, достал из внутреннего кармана матерчатый мешочек, где находилось около пятисот граммов изделий из золота, в основном монеты. Вытащив одну из них, я положил ее перед ювелиром.

– Две тысячи долларов, – сказал он, после полуминутного осмотра при помощи линзы. – Вещь, несомненно, подлинная.

– Запишите, – кивнул, соглашаясь, «бюрократ», и один из охранников, достав из кармана калькулятор, быстро пробежался по кнопкам похожими на сардельки пальцами.

Хаммер вынул блокнот и чиркнул в нем шариковой ручкой.

Я снова выложил на стол вещицу, на сей раз – брошь, выполненную в виде розы. И тут я заметил, как вздрогнул ювелир.

– Триста долларов, – произнес он после секундного замешательства. – Ценности особой не представляет.

– Согласен, – бросил Хаммер и снова записал что-то в блокнот...

Минут через сорок, когда у меня от напряжения взмокла спина, в кабинет тихо постучали. Старый ювелир разрешил войти, и в проеме появился Соломон, с двумя полторалитровыми бутылками минеральной воды.

Мне тут же захотелось пить. Вернее, захотел я уже давно, но был так увлечен процессом торга, что мысли блуждали где-то совсем в иной стороне.

– Спасибо, Соломон, очень кстати. – Хозяин кабинета взял бутылки, прикрыл дверь, заперев ее на ключ, и, достав из стола стаканы, разлил в них кристально чистый, пузырящийся от газов напиток. – Прошу вас, господа.

Судя по быстро опустевшим стаканам, жажда мучила не только меня. Покончив с этим, мы снова продолжили.

– Тысяча восемьсот долларов, – ювелир положил обратно на стол очередную монету. – На внешней стороне имеется царапина.

– Хорошо, – кивнул Сергей, и в колонке цифр появилась новая запись.

Когда процесс оценки и подсчетов был окончен, я посмотрел на часы и удивился – четыре часа пролетели как одна минута. Участники сделки порядком устали. Охранники же, простоявшие все время на ногах, вообще выглядели как выжатые лимоны.

– Сколько всего получается? – тихо спросил мужчина со шрамом у одного из шкафов.

Я готов был поспорить, что он и сам мысленно плюсовал каждую цифру, а интересовался для проверки.

Когда громила, быстро ткнув пальцем в кнопку, пробасил: «Пятьдесят две ровно», «Жан Маре» сразу же кивнул и перевел взгляд на нас с Сергеем, вопросительно подняв брови.

– С учетом двадцати пяти процентов минуса таки выходит, – ответил Хаммер, пряча блокнот в карман. – Все точно.

«Бюрократ» достал чистый носовой платок и промокнул блестящую от пота лысину.

– Хо-ро-шо, – едва заметно нахмурил лоб человек со шрамом, а потом взял из руки охранника кейс, и на обшарпанную поверхность двухтумбового стола одна за другой стали ложиться перетянутые банковской лентой с надписью «Внешэкономбанк» пачки американских долларов.

Ни я, ни Павлов таких денег никогда в глаза не видели, поэтому нам стоило немалых усилий изображать из себя прожженных асов зарождающегося капитализма. Хотя, судя по

выражению лица моего друга, выходило это у нас не слишком хорошо. Его волевой фэйс покрылся пятнами и потемнел от напряжения, а пальцы едва заметно дрожали.

– Пятьдесят одна, пятьдесят две. Все, – закончил отсчет покупатель и предложил: – Пересчитайте.

Я достал складывающуюся сумку, расстегнул молнии, в результате чего она увеличилась раз в десять, и смахнул туда десять упаковок пятидесятидолларовых и две пачки десятидолларовых купюр, снова закрыл сумку, повесил себе на плечо и сказал:

– Все в порядке.

Хаммер, подтверждая мои слова, молча кивнул.

– В таком случае я хотел задать вопрос, – вмешался в разговор деятель мэрии. – Есть ли у вас еще подобный товар? Мы могли бы купить его на прежних условиях.

– Возможно, – пожал плечами Павлов, снова доставая сигарету. Он курил, практически не переставая, все четыре часа. – Мы свяжемся с хозяином мастерской и договоримся о встрече.

– Хорошо, – согласился, вставая, двойник Жана Маре. – Только учтите – наше предложение действует всего четыре дня. Если надумаете – дайте нам знать не позднее чем послезавтра. – Он посмотрел на старика, жадно потягивающего минералку: – С вашего разрешения мы пойдем.

Ежу было понятно, что ювелир в этом деле не более чем пешка, но папик терпеливо дождался, пока старый хрен не приговорит остатки воды, не поставит стакан на стол и, разведя руки в стороны, не произнесет:

– Как скажете, господа, как скажете!.. Я свое дело выполнил.

– Это точно, – устало ухнул «бюрократ», следуя за своим спутником и охранниками к выходу. – Если что, вы знаете мой номер телефона. Всего доброго. – И он, с трудом протиснувшись через настежь распахнутую дверь, скрылся в коридоре. Какое-то время из-за прикрытой двери еще раздавалось его сопение и шаги, а затем все стихло.

Ювелир тяжело обрушился на привычное место за столом, опустил подбородок на ладони и молча уставился в окно.

Я открыл сумку, отсчитал положенные по договору восемь процентов комиссионных и положил их перед стариком.

– Ваши деньги, возьмите. – Молния скрипнула, и сумка снова повисла на моем плече. – Спасибо за помощь.

– Вам спасибо, – вяло улыбнулся ювелир. – Давно у меня не было такой напряженной и интересной работы. Да и прибыли такой – тоже! – Он тихо засмеялся, но через секунду снова стал серьезным. – Надеюсь, вы еще позвоните?

– Поживем – увидим. – Хаммер поднялся со стула и расправил плечи. – Пойду поймаю такси.

Вернулся он очень быстро, мы попрощались со стариком и вышли...

Брошь в виде розы с вкраплением мелких полудрагоценных камней Натан Львович узнал сразу. Но, даже обнаружив на обратной стороне изделия хорошо ему известное клеймо мастера Морозова, сомневался. Возможно ли такое чудо?!

Но потом, когда в его руках оказался браслет со стилизованным изображением кобры, сделанный ювелиром лично и отправленный за линию блокады вместе с остальными драгоценностями, он окончательно убедился в том, что каким-то немислимым образом вся блокадная коллекция оказалась в руках двух мальчишек, даже не представляющих себе ее истинную ценность!..

Хотя и они оказались не так глупы – принесли лишь самое простое, оставив у себя главные козыри в виде бриллиантового кольца общим весом в двадцать пять карат и многих других ювелирных изделий восемнадцатого, девятнадцатого и начала двадцатого века.

Вторым, куда менее приятным, сюрпризом стало для ювелира прибытие на сделку вместе с хорошим знакомым из мэрии того шантажиста, что отобрал у него деньги и убил, как он сам сказал, Алину. Видимо, Пахом ведет дружбу с уголовниками и в целях безопасности попросил «подполковника» сопровождать его...

Знал бы этот бандюга, что золото, которого он домогался, находится у него под носом! Похоже, и остальная часть сокровищ здесь, в Питере, где-то совсем рядом! И только двое точно знают – в каком именно месте...

Выведать у них тайну и снова овладеть целым состоянием – вот что следует сделать ему, их единственному оставшемуся в живых владельцу! И он добьется своего, чего бы это ни стоило...

Старик залпом допил остатки минеральной воды, приложившись губами прямо к узкому горлышку пластмассовой бутылки, а потом, бросив ее в корзину для мусора, потянулся за телефонной трубкой.

Он уже сообразил, *кто* сможет ему помочь восстановить утраченное полвека назад статус-кво.

Глава двадцать третья Погоня

Напротив входа в «Агат», на другой стороне Каменноостровского проспекта, расположилась зеленая «пятерка». В ней сидели двое плотного сложения парней в джинсовых костюмах.

У одного из них под синей хлопковой тканью, рядом с сердцем, находился втиснутый в портативную спецкобуру пистолет «беретта». В руке другого была рация.

Они не спускали глаз с ювелирной мастерской.

Как только из нее вышла парочка молодых фраеров в модном и дорогом прикиде и села в «жигуленок» первой модели, зеленая «пятерка» пристроилась за ними.

Один из ребят тут же стал что-то оживленно наговаривать по рации. Второй то и дело поправлял давящую на ребра кобуру.

В глазах обоих преследователей светился азарт, и они были полны решимости довести свое дело до логического конца. В противном случае босс никогда бы им не простил допущенной оплошности. Парням очень хотелось угодить ему, поэтому они были готовы на все.

Мы уже почти доехали до Большой Монетной, когда таксист, в очередной раз взглянув в зеркало заднего вида, сказал:

– По-моему, парни, за вами хвост.

– Что?! Вот падлы, обуять нас хотят! То-то, я думаю, все идет слишком гладко... – Сергей мельком бросил взгляд на словно привязанную сзади такси зеленую «пятерку», а потом громко скомандовал, тронув водилу за руку: – Гони, братан, как можно быстрее. Уйдем – плачу пятьсот баксов.

– Мамочки мои! – воскликнул таксист. – Да я за такие деньги Родину продам! – И, взревев мотором, «копейка» стремительно ушла в отрыв.

Когда преследователи опомнились, нас уже разделяло не менее сорока метров. А я так и не понял, серьезно говорил водила насчет Родины или он просто пошутил.

Погоня, надо сказать, получилась что надо! На какой-то момент я даже забыл об угрожающей нам опасности. Меня так увлек сам процесс, что адреналин вбрасывался в кровь лошадиными дозами.

Хаммер постоянно давал команды водителю: «Сверни направо», «Давай во двор, там можно проехать» и тому подобное.

«Жигуленок» дрожал всем своим железным телом, двигатель захлебывался, рулевые тяги скрипели и готовы были развалиться, бросив машину на ближайшую стенку, но значительно оторваться от следующей почти по пятам «пятерки» нам никак не удавалось.

Когда мы в очередной раз с начала гонки свернули в сквозной двор, раздался выстрел, заднее стекло такси превратилось в зияющую дыру, и тысячи осколков разлетелись по всему салону.

Мне поцарапало щеку, из нее сразу же побежала кровь, как-то на удивление сильно для такого пустякового пореза.

– Ты ранен?! – крикнул Серега, и в его глазах сверкнул неподдельный страх. – Суки, я их своими руками задушу...

– Так, пустяки, – еще не окончательно разобравшись в ощущениях, я, как герой из фильмов про войну, – стойко покачал головой. – Такие раны заживают еще до свадьбы.

– Гони, командир, мать твою!.. Уйдем – получишь штуку! – рявкнул Павлов, но его призыв был уже излишен.

Разлетевшееся вдребезги стекло подействовало на таксиста очень эффективно. «Жигуленок» рванул на улицу с односторонним движением и помчался вперед, пронзительно гудя сигналом.

Зеленая «пятерка» в точности повторила наш маневр, но несколько отстала.

Встречные автомобили шарахались в стороны, прижимаясь к бордюру. Водила со знанием дела лавировал в потоке машин, лишь однажды зацепив бампер нового сверкающего «Москвича». Я успел заметить, как этот бампер, отлетев в сторону, выбил стекло в одном из окон первого этажа.

Когда мы со свистом пересекли рельсы, я невольно перекрестился, так как, промчись мы тремя секундами позже, обязательно получили бы сокрушительный удар в правый бок от идущего на хорошей скорости трамвая.

Эта участь, как выяснилось, была уготована нашему хвосту. Удар оказался такой силы, что я рефлекторно зажмурился. Потом раздался взрыв, и место аварии превратилось в самый настоящий факел.

Такие картины мне доводилось видеть только в американских боевиках, но и там не покидало ощущение бутафорства происходящего. Сейчас все было на самом деле – и удар, и взрыв, и пронзительные истерические крики невольных очевидцев трагедии.

И все это – практически в самом центре города.

– Картина Репина «Приплыли», – усмехнулся Хаммер. Отчаяние на его лице практически моментально сменилось удовлетворением. – Прямо в дамки!.. Тормози, мастер, мы выходим!..

Таксист, белый как мел, тут же нажал на педаль, и машина, нелепо развернувшись чуть ли не поперек дороги, остановилась.

– Старик, расплатись с человеком, – бросил, выходя, Павлов, не отрывая взгляд от места столкновения трамвая с «пятеркой».

Он нащупал в кармане сигареты и быстро сунул одну из них в рот. Глубоко затянулся едким дымом «Кэмела».

Я нашел в сумке пачку десятидолларовых купюр, хотел уже было протянуть ее водиле, но потом разделил на глаз примерно пополам и ту, что оказалась меньше, дал таксисту. Здесь

с лихвой хватит и на новое стекло, и на моральный допинг невольно втершемуся в дрянное дело мужику.

Он сидел ни живой ни мертвый, каким-то безумным взглядом посмотрел на деньги, вдруг очутившиеся в его мозолистой руке, и совершенно неожиданно тихо заплакал. Нервное напряжение последних десяти минут прорвалось наружу вместе с солеными каплями, стекающими по шершавому лицу сорокалетнего мужчины и превращающимися в бесформенные кляксы на резиновом коврик у него под ногами.

– Думаю, вам лучше уехать, – сказал я и вышел из машины, громко хлопнув дверцей.

Водила несколько очнулся и безразличным движением сунул деньги в бардачок, не обращая внимания на несколько выроненных купюр. А потом запустил мотор, до отказа выжал педаль газа и, оставив на асфальте черные следы от пробуксовки, скрылся из виду за ближайшим поворотом.

Глава двадцать четвертая Обмен мнениями

Я подошел к Хаммеру, лихорадочно затягивающемуся сигаретой и наблюдающему с явным удовольствием за горящим в центре соседнего перекрестка факелом. Там уже собралась целая толпа зевак, которая увеличивалась каждую секунду на несколько десятков человек.

– Тебе не кажется, что нам пора сваливать отсюда? – поинтересовался я, присоединяясь к одинокому курильщику и чиркая спичкой.

– Что ты сказал?.. Ах, да... Конечно, пойдём.

Сергей развернулся на каблуках и зашагал в противоположную от могилы наших преследователей сторону.

Мы свернули на перпендикулярную улицу, молча прошли два квартала, нырнули в метро и, погрузившись в вагон, стремительно понеслись по черному подземному туннелю.

– Как думаешь, чьих это рук дело? – нарушил я уже порядком затянувшуюся паузу. – Старика ювелира, папиков или всех вместе?

– Ювелир здесь ни при чем, – покачал головой Павлов. – Он – просто мелкая сошка, посредник. А вот те господа, что приехали на «Волгах», – совсем другое дело! Зачем им отдавать незнакомым парням полсотни штук, если можно послать вдогонку бычков и вернуть денежки недавним хозяевам?.. Только вот беда – оказалось, что братки плохо знают правила дорожного движения, – и Хаммер снова улыбнулся прямо-таки дьявольской улыбкой, которую я уже видел у него на лице сразу же после вспыхнувшего костра, проглотившего «пятерку» вместе со всем содержимым.

– Чему ты радуешься? Рехнулся, что ли, от переутомления?

– Чему? А тому, что все закончилось вполне благополучно!

– Благополучно?! Ты сказал «благополучно»?! Да ведь нас едва не убили, и только что погибли в огне два человека!

– Ну и что? – усмехнулся Хаммер. – Мы же никого не убивали. Произошел несчастный случай, авария, понимаешь? Водитель такси отделался всего лишь небольшим испугом. К тому же за несколько минут заработал столько, сколько ему не поднять и за месяц, даже если он будет крутить баранку круглосуточно и при этом заработает себе геморрой. Мы тоже сделали все, как хотели, – продали товар, получили деньги. И какие деньги!.. Разве я не прав?

Я предпочел промолчать.

– Ну посуди сам, – продолжал меня успокаивать Павлов, – как они теперь найдут нас в пятимиллионном городе? Мы же не уголовники, которых можно отыскать через братву по одним внешним приметам. Адрес, имя, фамилию, место работы они, естественно, не знают.

Что остается? Случайно встретить на улице? Но такие люди, как эти папики, пешком не ходят, на метро и автобусах не ездят. Да и мы сами, прямо сейчас, тоже приобретем себе машину, затонируем стекла! Пойди отыщи ветра в поле... Оба ювелира – серые мыши, им нет резона искать себе на задницу приключений. К тому же они ничего не потеряли, а только заработали кругленькую сумму!.. Да и эти ублюдки, которые попытались нас выставить, тоже остались при своих, даже наварили штук десять – пятнадцать баксов. Ну, не вышло развести пацанов, ну, погибли в автомобильной катастрофе парочка бычков и задрипанная «пятерка»? Да это такая ерунда, что о ней и думать никто из них не станет!.. Скажи еще, не так?

– Тебя послушать – выходит прямо идеально, – огрызнулся я. – Но всегда есть вероятность случая, тем более в деле, где замешаны большие деньги.

– Если так рассуждать, то лучше вообще сразу застрелиться! А вдруг завтра война? А вдруг ты пойдешь по улице, а тебе на голову упадет кирпич? Мало ли какие неприятности могут случиться!.. О них лучше всего не думать, тогда жизнь будет счастливей и веселей, – подвел черту в разговоре Павлов. – Ведь жить тоже вредно – от этого умирают! Пошли, наша станция... – И, поднявшись с дерматинового сиденья подземной электрички, мы направились к выходу.

«Бюрократ», которому сообщили о погибших в автомобильной катастрофе боевиках, кричал в телефонную трубку благим матом:

– Саша, да как же такое могло случиться, черт возьми, а?!

– Не знаю, Пахом, просто случайность, – глухо произнес мужчина со шрамом. – Возможно, что случайность, – поправился он. – В любом случае – мы их упустили. Хорошо, если они не заметили моих ребят, севших им на хвост, тогда, я надеюсь, снова объявятся, и уж мы обуем их прямо у дверей мастерской старика Канторовича. Но мне почему-то кажется, что они больше не сунутся в «Агат» ни под каким предлогом. Интуиция, знаешь ли, подсказывает...

– Да к черту твою интуицию! – взревел управленец, но тут же осекся, видимо поняв, что позволил себе излишнюю грубость к собеседнику. – Извини, Саша, нервы ни к черту...

– Понимаю. Но нам ничего не остается, как только надеяться на чудо и ждать звонка мальчишек к Натану. Вот только парней моих жаль. Это были самые лучшие. Для меня могли любому глотку перерезать! – с чувством сказал Саша, цокнув для дополнительного впечатления языком. – Ну да ерунда, вокруг меня толпы народа, найдем им замену. А ты не расстраивайся, в любом случае у тебя выходит навар на этой сделке. Разве нет?..

– Так-то оно, конечно, так, да какая теперь радость, если могло быть вдвое больше? – печально вздохнул функционер. – Ладно, будем заканчивать разговор, а то мне пора на аудиенцию к главному. Не отстаёт он от меня из-за проклятых двух миллионов деревянных – тех, что мы выделили на асфальтирование твоей стоянки!.. Может, предложить ему долю малую, что скажешь?

– Надо подумать. Скажи ему, пусть ждет моего звонка. У тебя все?

– Вроде бы.

– Тогда до встречи. – В трубке раздались прерывистые гудки отбоя...

Плотно пообедав в одном из приличных кафе, мы с Серегой заехали в торгующую автомобилями контору – присмотреть «девяточку».

Цена Хаммера интересовала мало, но он хотел взять именно такой «тазик», как планировал, – цвета «мокрый асфальт», с хорошим магнитофоном, правильной сигнализацией и спойлерами, да и стекла не мешало бы затемнить.

Выяснилось, все вышеназванное можно заказать, как говорится, не отходя от кассы, только внеся предварительно предоплату в размере пятидесяти процентов от стоимости машины плюс цена наворотов.

Деньги у нас были при себе, расчет состоялся.

Автомобиль обещали подготовить к послезавтрашнему числу, а также решить вопрос с наклейкой техосмотра, номерами и техпаспортом.

Павлов вел себя как нефтяной магнат, составив целый список прибабасов, которые надлежало поставить на «девятку». Последним люксом записали дополнительные галогенные фары спереди и стоп-сигнал с бегущими огнями – сзади.

Сотрудник конторы осторожно назвал итоговую цифру, но Хаммер прореагировал на нее примерно так же, как если бы ему сказали в будке продажи телефонных жетонов цену круглого кусочка латуни.

– Как быть с деньгами? – поставил я проблему. – Оставлять у тебя на квартире – не самая удачная мысль, а таскать с собой – еще хуже.

– Тогда сделаем так... – И Павлов выложил мне свою идею.

Я посчитал ее стоящей, и мы направились в ближайший универмаг, где купили дипломат с шифрованными замками.

Потом поехали к Сергею домой, отсчитали сумму на расходы, оставшееся сложили в кейс, набрали комбинацию из цифр дня, месяца и года, когда уволились в запас из ВМФ, а после прыгнули в такси и покатали на базу аварийно-спасательной партии.

Старик Дмитрич встретил нас с нескрываемой радостью и согласился до поры сохранить у себя «кое-что из личных вещей» бывших подчиненных.

Часть четвертая План бригадира Герца

Глава двадцать пятая Две зацепки

Узнав от своего мэрского знакомого о неудачной попытке кидка двух молодых парней, Канторович и обрадовался, и огорчился.

С одной стороны, его сильно обеспокоило известие, что мальчишками заинтересовались такие крутые люди, как Пахом и «подполковник», не удовлетворившиеся выгодной сделкой и решившие заграбастать себе все сразу – и деньги, и золото.

Но, с другой стороны, это у нахрапистых мошенников не получилось, и след продавцов потерялся. Единственная их надежда, что парни снова свяжутся с ним, Канторовичем, с целью реализации второй партии украшений, в наличии которой оба покупателя совершенно уверены.

Но уверенность и знание – абсолютно разные вещи! Только один Натан Львович ведаёт: то, что реализовали парни в мастерской, – сушая ерунда по сравнению с тем богатством, которое каким-то невероятным образом оказалось в руках у этих, в сущности, молодкосов.

К тому же у него, ювелира, есть две ценные зацепки, о которых он ни за что не расскажет жаждающим оторвать жирный кусок проходимцам. Потому что этот самый кусок целиком и полностью должен достаться только ему одному, и ни один человек на всем свете не сможет помешать бывшему хозяину вернуть утраченные ценности!

Ювелир провел тщательную экспертизу купленного у парней золота, используя позаимствованный у коллеги электронный микроскоп, и с полной уверенностью мог констатировать весьма любопытный факт: металл длительное время пролежал в воде, о чем свидетельствовали сразу несколько признаков.

Итак, все сходилось...

Десятилетиями Натан Львович считал, что его подло обманули, и не оставлял попыток отыскать на безграничных просторах Союза хоть какой-то след бывшего начпрода Фридмана и его помощника – Тараса Шкавро. Спустя двадцать лет безрезультатных поисков ювелир решил для себя, что негодьям удалось-таки бежать за границу, а найти их там вообще не представлялось возможным.

Но одна мыслишка не покидала Натана Львовича все эти годы – существовала пусть небольшая, но все-таки вероятность, что буксир, на котором отправились выменянные у голодающих жителей сокровища, затонул где-то по дороге, вместе с двумя членами команды и двумя его коллегами по блокадной коммерции.

И вот теперь экспертиза дала недвусмысленный ответ.

Другим, еще более существенным моментом, который мог реально помочь выйти на след парней, был номер телефона, с которого звонил один из них, когда договаривался о встрече с покупателями. В кабинете ювелира стоял телефон с определителем номера самой последней модели, практически не дающий сбоя, и на нем четко пробились семь цифр.

Одновременно становилось ясно, что звонили не из телефона-автомата, так как в этом случае вместо цифр обозначились бы прочерки.

Конечно, телефон, с которого был сделан звонок, вполне мог принадлежать кому-то из родственников, знакомых и даже, не исключено, посторонних людей, но в любом случае он являлся серьезной зацепкой, и ее следовало тщательно проверить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.